

Кира Шушанова

РАЗВОД

Сын, которого ты скрывала

Кира Туманова

Развод. Сын, которого ты скрывал

«Литнет»

2026

Туманова К.

Развод. Сын, которого ты скрывал / К. Туманова — «Литнет», 2026

— Оль, скажи честно, как врач... У него ведь, наверное, патологии, несовместимые с жизнью? — Влад сглатывает, глядя на меня в зеркало. — Он... он умрёт? У меня темнеет в глазах. Я смотрю в его красивое, родное лицо и вижу чудовище. — Он здоровее тебя, Влад. У него только грыжа. А у тебя — гниль вместо сердца. И это не лечится! В эту ночь я спасла ребёнка собственного мужа. Я не знала, кто его отец, просто делала свою работу. А вот мой любимый, идеальный муж, как выяснилось, давно заплатил, чтобы этот малыш никогда не сделал первый вдох. Но мальчик выжил. Вопреки страшным диагнозам, таблеткам и предательству родных родителей. А вот судьба моего брака теперь под вопросом! Книга участвует в литмобе «Тайный ребенок мужа»;

© Туманова К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
1. Кукла без документов	7
2. Герои	9
3. Боец	12
4. Кукушка	14
5. Дорогая проблема	16
6. Снежинка	19
7. Шестерёнки	22
8. Выбор	24
9. Наша жизнь	26
11. Спасибо за сына!	29
10. Последний семейный ужин	31
12. Решала	34
13. Слишком больно обнимать	36
14. Бунт	38
15. Токсичная пациентка	39
16. Первобытный рефлекс	42
17. Цена выдержки	44
18. Фрайер	46
19. Пешка	50
20. Сделка	53
21. Упакуем фифу	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пролог

– Ты уже вернулась со смены? – Владимир ловит мой взгляд в зеркале и улыбается одними глазами.

– Как видишь...

Прислоняюсь плечом к прохладному косяку двери, скрещиваю руки на груди. Раньше я любила вот так стоять и смотреть, как он бреется.

Есть особая, пугающая интимность в том, как мужчина добровольно подносит бритвенное лезвие к собственной шее. Одно неверное движение – и уютная семейная жизнь окрасится в красный.

Смотрю в спину мужа и думаю: знает ли он, как близко сейчас ходит по краю?

Ноги гудят после суток дежурства, в голове ещё звучит писк датчиков из реанимации, но я не ухожу спать. Я смотрю на него.

В ванной пахнет влажной горячей духотой и ментолом. Муж стоит перед зеркалом, накинув полотенце на бедра. На его лице – пышная шапка пены, из-за которой он похож на доброго домашнего Санту.

Станок уверенно и ритмично скользит по щеке. После бритвы остаётся розовая гладкая кожа, такая незащитная и нежная, что на секунду мне становится стыдно за свои подозрения.

– Тяжёлая ночка? – добавляет он, споласкивая бритву под струей воды. – Видно, что устала.

– Всё как обычно, Влад. Роды, истерики, отказ от ребенка...

Я не отвожу взгляд от мочки его уха. Там, у самого хрящика, крошечная впадинка. Словно след от укула. Свекровь смеялась, что его «пометили» в роддоме, чтобы не украли. А я, целуя мужа в висок, всегда шептала, что это его «точка счастья».

– Даже так? – Темная бровь в деланом негодовании взлетает вверх.

Ему явно неинтересно. Он уже мыслями на совещании, ворочает миллионами. Мои «больничные страшилки» для него просто белый шум.

– Если честно, смена – кошмар... – задумчиво отвожу с лица выбившуюся прядь. – В три ночи малыш с патологией родился, еле выжил, а папаша даже не приехал. Роженица в панике бьется.

Владимир точным хирургическим движением ведет лезвием по скуле.

– Главное, что ребенок жив, правильно? Ты у меня молодец! – игриво подмигивает моему отражению.

– Да, я молодец, – усмехаюсь. – Мать сама дура, даже на учет не вставала. И мужа у неё нет, мозги некому вправить.

Делаю глубокий вдох и будто случайно бросаю замечание:

– Кстати, мозгов нет, но девушка красивая. Вроде, модель, Снежаной зовут. Не слышал о такой?

Муж мычит что-то нечленораздельное, а бритва на секунду замирает на коже. Едва заметно. Если бы не смотрела так пристально, то пропустила бы. Но Владимир тут же продолжает уверенное движение вниз, к подбородку.

– Не жалей её, другого папика найдёт, – бросает он ровно.

Я отлипаю от косяка и делаю шаг в ванную. Встаю у него за спиной.

– И самое смешное, – шепчу я, глядя в зеркало прямо в его карие глаза. – Отца ребёнка зовут как тебя. Владимир. И группа крови четвертая отрицательная, как у тебя. И точка на ушке тоже... Удивительно, правда?

Лезвие соскальзывает и с грохотом падает в раковину. На шее Влада расцветает красная полоса. Выглядит жутко. Будто на него в подворотне напал маньяк.

– Чёрт... Ты чего несешь-то? – Сипит недовольно.

– Ты порезался, кажется? – хладнокровно срываю полотенце и протягиваю ему.

Я вижу своё отражение рядом с ним. Уставшая женщина с темными кругами под глазами. Внешне я спокойна, но внутри бушует буря. Сейчас в пыль рассыпается последняя надежда на ошибку, на глупое совпадение.

Я слишком хорошо знаю своего мужа, чтобы понять: его реакция – это чистосердечное признание.

Я сую руку в карман джинсов. Пальцы нащупывают жесткий пластик.

Достаю белый идентификационный браслет – ту самую «бирочку». На фоне дизайнерского мрамора дешёвая клеенчатая полоска с кривыми синими буквами выглядит чужеродной.

Кладу браслет на край раковины. Сухой, тихий стук пластика о фаянс кажется оглушительным.

Владимир тяжело, всей массой, наваливается на края раковины, словно у него вдруг отвалили ноги. В белую пену капают редкие пятна крови, окрашивая её в розовый цвет. Он даже не смотрит на браслет. Он медленно, очень медленно поднимает взгляд на меня в зеркале.

И ледяной ужас струйкой струится между лопаток.

Я прожила с этим человеком двенадцать лет. Я видела его в ярости, когда срывались сделки. Видела в горе, когда он хоронил отца. Но таких глаз я не видела никогда.

Вместо зрачков у него – две чёрные дыры. Абсолютная, засасывающая пустота. Там нет ни раскаяния, ни паники, ни мольбы. Там – боль зверя, который попал в капкан и понимает, что единственный способ вырваться – это отгрызть себе лапу. Меня затягивает в эту черноту, и мне сейчас страшно стоять с ним рядом.

– Снежана сказала, отец ребёнка дал денег, чтобы его не было, – продолжаю я, усилием воли не сводя с него взгляд. – Он думал, что проблема решена. А он выжил, Влад. Твой сын выжил. И он копия ты.

Тихо капает вода из крана, медленно унося в канализацию розовую пену.

– Нет... – хрипло выдавливает он.

– Мальчик, 2800, – гулко произношу я. – Недоношенный, но стабильный. Поздравляю, Влад. Ты снова стал отцом.

Я разворачиваюсь, чтобы выйти. Мне нечем дышать в этой комнате, пропитанной запахом ментола. Но он хватается меня за запястье железной хваткой.

У него ладонь влажная и скользкая от пены. Я оборачиваюсь.

Влад сглатывает, кадык на его горле дергается.

– Оль, скажи честно, как врач... У него ведь тоже, наверное, патологии, несовместимые с жизнью? Он... – голос дрогнул, – он умрёт?

У меня темнеет в глазах. Я смотрю в его красивое, окровавленное лицо и вижу не мужчину, а чудовище.

Резко дергаю рукой, вырываясь из захвата.

– Он здоровее тебя, Влад, – выплевываю я ему в лицо. – У него только грыжа. А у тебя – гниль вместо сердца. И это не оперируется.

Я разворачиваюсь на пятках и выхожу, плотно прикрыв за собой дверь. Оставляю его одного, наедине с холодным кафелем, кровью на руках и неожиданной радостью отцовства.

1. Кукла без документов

6 часов назад. 03:15 ночи

Кофе в ординаторской всегда на вкус как жжёная покрывка, но в три часа ночи выбирать не приходится. Делаю глоток, морщусь и чувствую короткую вибрацию на столе.

Бросаю взгляд на экран смартфона. Красный значок уведомления из приемного покоя.
«Срочно. Необследованная. Полное раскрытие. Срок ок.32 нед.»

В эту же секунду в дверях появляется взлохмаченная акушерка Лена.

– Ольга Александровна! – она тяжело дышит, видимо, бежала. – Там «сюрприз» с улицы.

Воды зеленые, карты нет. Срок маленький, а рожает вовсю!

Я швыряю недопитый стаканчик в урну, хватаю фонендоскоп и застегиваю халат на бегу.

– Кто вез? Скорая? – спрашиваю уже у лифта.

– Какая там скорая... На такси приехала. Водитель её чуть ли не выкинул у дверей, боялся, салон испортит.

Сердце привычно ускоряет ритм. «Необследованная» на нашем сленге – это всегда лотерея. Там может быть всё: от сифилиса до наркотиков. Или просто глупость. Человеческая глупость – самый частый и неизлечимый диагноз, который мы тут ставим.

В смотровой приемного покоя пахнет не септиками, а... дорогими духами. Сладкий, пудровый дорогой запах. Это странно. Обычно наши «необследованные» – это маргиналы, пахнущие перегаром.

А здесь...

На кушетке мечется девушка.

Первая мысль: ей нечего делать в роддоме. Ей место на обложке глянца или в клубе на Патриках.

Даже сейчас, корчась от схваток, она выглядит эффектно: наращенные ресницы-веера, идеальные пухлые губы, спутанные, но явно дорогие локоны цвета платиновый блонд. На ней легкомысленный шелковый халатик с перьями, теперь безнадежно испорченный грязными водами.

Над ней уже склонился дежурный акушер-гинеколог, Дмитрий Сергеевич. Он, как и я, злой и сонный.

– Девушка, раздвиньте ноги! – командует он, натягивая перчатки. – Мне нужно головку посмотреть!

– Не трогайте меня! – визжит блондинка, пытаюсь лягнуть врача ногой с идеальным педикюром. – Мне больно! Вы обещали, что обезболите! Где мой телефон?!

Я подхожу с другой стороны. Моя задача как неонатолога – понять, *кого* мы сейчас получим, и нужно ли мне вызывать реанимационную бригаду еще до рождения.

– Посмотрите на меня! – я перехватываю её руку, унизанную золотыми браслетами Cartier. – Я детский врач. Ваш ребёнок шевелится? Когда воды отошли?

Она смотрит на меня безумными, расширенными от ужаса глазами.

– Он не должен шевелиться! – истерично рыдает она, размазывая помаду по щекам. – Мне сказали, он умрет! В клинике сказали – там уродство! Кишки наружу!

Мы с Дмитрием Сергеевичем переглядываемся поверх её живота. В его глазах я читаю ту же мысль, что мелькнула у меня.

– Кишки наружу? – переспрашивает Дима, нахмурившись. – Гастрошизис? Омфалоцеле?

– Я не знаю! – воет она. – У него живот огромный был на УЗИ! Сказали – не жилец! Я не хочу на это смотреть!

У меня внутри всё сжимается. Если у малыша выпадение органов брюшной полости, пускать её в естественные роды – преступление. Ребенок погибнет в муках еще до того, как попадет в реанимацию.

Дмитрий уже смотрит раскрытие.

– Полное, – бросает он коротко, выпрямляясь. – Головка прижата. Оля?

Он ждет моего вердикта. Я здесь отвечаю за жизнь ребенка, он – за мать.

– Дима, если там грыжа пуповины, мы её порвем в родах, – говорю я жестко, глядя на монитор КТГ, где сердцебиение плода уже начинает сбоить. – Кишечник инфицируется мгновенно. Кесари экстренно. Спасем малыша.

Дмитрий кивает. Он опытный мужик, понимает без лишних слов.

– Операционную! – орет он в коридор так, что стекла в дверях дребезжат. – Живо! Экстренное кесарево! Показания со стороны плода! Каталку сюда!

Блондинка вдруг перестает выть и вцепляется мне в рукав халата ледяными пальцами.

– Кесарево? – в её голосе ужас не за ребенка, а за себя. – Вы меня резать будете? У меня же шрам останется! Я модель! Мне нельзя шрам, у меня съемки в белье!

Я смотрю на эту ухоженную, красивую куклу, и меня накрывает волна безразличия.

– Послушай меня, милая, – я наклоняюсь к её лицу, глядя прямо в расширенные зрачки. – У тебя там человек задыхается. Если родишь сама – покалечишь. Выбирай: или аккуратный шов под линией бикини. Или труп ребенка, возможный сепсис и уголовное дело. Решай. Сейчас.

Она всхлипывает, откидываясь на подушку и прикрывая лицо руками:

– Режьте... Только аккуратно... – и добавляет с приглушённым воем. – Доста-а-аньте его!

– Кладите её на каталку, живее! – гаркает Дмитрий.

– Я таблетки пила... Думала, выкидыш будет... – всхлипывает она, когда санитары берут её под мышки. – Подруга дала... Сказала, всё само выйдет, как при месячных. Я еще на пятом месяце пила! Я думала, он там умер давно! Почему он до сих пор внутри?!

У меня мороз по коже. Я переглядываюсь с Димой. В его глазах – смесь ярости и шока.

– На пятом месяце? – переспрашивает он ледяным тоном. – Ты понимаешь, что ты ему устроила внутриутробную гипоксию? Ты его травила, а он выжил. Живучий малыш.

– Я не знала, что он выжил! – она закрывает лицо руками. – Я думала, просто живот остался... Я боялась в клинику идти, вдруг кто узнает...

Колеса каталки грохочут по кафелю. Я бегу рядом, придерживая на ходу оторвавшийся датчик КТГ.

Смотрю на её идеальный профиль и думаю о том, какой идиот сделал ей этого ребенка?

Наверняка такой же «упакованный» циник. Купил ей браслеты, а на нормальное ведение беременности, видимо, денег пожалел. И теперь я, Ольга Власова, должна разгрести последствия их красивой жизни в три часа ночи.

Если бы я знала, *кто* этот отец, я бы, наверное, остановилась прямо здесь, в коридоре.

Но я не знаю. Я просто врач. И моя работа – спасти даже тех, кто, по мнению родителей, должен был умереть.

Лифт закрывается. Мы едем на пятый этаж. В операционную, где очень скоро мой мир перевернется.

2. Герои

Ольга Александровна Власова

* *Возраст:* 33 года.

* *Профессия:* Врач-неонатолог, реаниматолог.

Её работа – встречать новую жизнь, и вытаскивать с того света тех, кто весит меньше пакета молока. Она привыкла бороться за каждый вздох вопреки прогнозам. В семье Ольга такая же: будет защищать своих до последнего. Но если поймет, что брак мёртв – отключит его от аппаратов жизнеобеспечения сама. Ведь для неё страшен не смертельный диагноз. Страшна ложь.

Владимир Сергеевич Власов

* *Возраст:* 35 лет

* *Профессия:* Владелец фонда прямых инвестиций

Успешный, харизматичный, он построил жизнь, похожую на красивую картинку из журнала. Души не чаёт в десятилетней дочери Алисе, для которой он лучший папа на свете. С Ольгой он нежен, заботлив и надежен. Кажется, что такой человек просто не способен на подлость. Но появление внебрачного ребенка ставит под сомнение всё, что Ольга знала о муже. Кто он на самом деле: жертва обстоятельств, совершившая одну роковую ошибку, или искусный лжец, живущий двойной жизнью? Это уравнение нам только предстоит решить.

Снежана

* *Возраст:* 23 года

* *Профессия:* модель (возможно эскортница, но это не точно))

Снежана решила поставить на кон всё. Рискнула идеальной фигурой и забеременела от богатого мужчины, веря, что этот ребенок станет её ракетой в безбедное будущее. Но реальность ударила наотмашь. Когда выяснилось, что с беременностью «не всё так гладко», сказка превратилась в кошмар. Больше всего Снежана боится, что ребенок поставит крест на её карьере модели, испортит тело, и, что ещё страшнее – станет обузой, которую не на что содержать.

3. Боец

– Не надо... – Снежана бьется на столе, пытаясь сорвать с себя датчики. – Не колите в спину! Это страшно! Усыпите меня! Полностью! Я не хочу чувствовать, как вы меня режете!

Дима вопросительно смотрит на анестезиолога. Тот лишь тяжело вздыхает.

– Давай общий, – кивает он хирургу. – Она же сейчас дернется под ножом, кишки себе выпустит. Истерика неуправляемая.

Снежана закатывает глаза, когда в вену идет пропофол.

– Смотри на меня, – анестезиолог гипнотизирует её взглядом. – Считай до десяти.

– Никто не должен знать... – шепчет пациентка, уже проваливаясь в сон, но всё ещё держась за свою глянцевою жизнь мертвой хваткой. – Сделайте красиво... чтоб без шрама... и пониже...

– Считать, что ли, не умеет? – Дима берет в руки скальпель.

Анестезиолог фыркает и переглядывается с операционной медсестрой. Проверяет на мониторе успокаивающийся пульс Снежаны и легко кивает.

– Дима, пять минут до того, как препарат дойдет до ребенка.

Через минуту в операционной остаётся только ляг инструментов и писк мониторов.

Дима работает собранно. Когда пациентка под спинальной анестезией и в сознании, операции проходят веселее, особо отважные даже шутят. А здесь всё на грани.

– Вскрываю! – коротко бросает Дима. – Оля, готовься. Воды действительно густые, зеленые. Как болото.

Я напрягаюсь. Если ребенок наглотался мекония, это хуже любой грыжи.

Дима запускает руки в разрез. Секунда. Другая.

– Идет ножкой! – комментирует он сквозь маску. – Аккуратно... Вывожу головку... Есть! Готовься, Оля.

Дима через мгновение приподнимает маленькое, безвольное тельце.

Мальчик.

Он висит на пуповине, синюшный, крошечный, но... живой.

– Забирай! – На пуповине щелкает зажим.

Я подхватываю горячий, скользкий комочек в пеленку. Совсем пушинка, меньше двух килограммов. Но в этой пушинке отчаянно бьется жизнь.

Бегу к реанимационному столику.

Он не кричит. Не дышит. А на животике тот самый «шар», который так напугал горемать. Огромная грыжа, в которой светятся петли кишечника. Выглядит страшно для обывателя, но для меня... Для меня это просто задача. Сложная, опасная, но решаемая. Это не самая опасная патология из всех, что я видела.

– Ну же, парень, – шепчу я, аккуратно укладывая его под лампу. – Не смей мне тут сдаваться. Твоя мама уже списала тебя со счетов, но я пока здесь главная. А я своих не бросаю.

Быстро очищаю ротик от слизи, надеваю крошечную маску.

Вдох. Выдох.

Я качаю воздух в его легкие. Сердце всё ещё бьется редко, как у раненой птицы.

Вдох. Выдох.

– Давай! – почти кричу я мысленно, нагнетая кислород. – Ты же мужик! Дыши!

И вдруг, словно в ответ на мою злость, он делает судорожный вздох. Грудная клетка вздрагивает. А потом раздаётся писк.

Тихий, жалобный, похожий на мяуканье испуганного котенка. Но это крик жизни.

– Живой! – выдыхаю я, чувствуя, как по спине течет пот. Адреналин отпускает, в ногах появляется предательская дрожь.

Смотрю на его лицо. Сморщенное, недовольное, с закрытыми глазками.

Красивый мальчишка будет. Нос курносый, губы бантиком. Главное, чтобы интеллект от матери не передался.

Вытираю малыша теплой пеленкой. Кожа у него тонкая, почти прозрачная, сквозь неё видна сетка вен.

Нужно надеть шапочку. Голова у недоношенных – главный источник потери тепла. Аккуратно приподнимаю его крошечную головку, пальцами касаясь мягких, как лепестки, ушных раковин.

И тут мой взгляд цепляется за деталь. Справа, у самого основания козелка, крошечная, едва заметная впадинка. Маленькая точка, будто след от иголки.

В сердце разливается тёплая волна. У Владимира точно такая же. Один в один.

Я помню, как в первую брачную ночь целовала эту ямочку, а он смеялся, что это его «заводской брак».

Надо же! У ребенка, которого хотели убить, такая же метка, как у моего любимого человека.

– Ну надо же... – шепчу я, проводя пальцем в перчатке по его ушку. – У тебя "точка счастья", малыш. Прямо как у моего мужа. Значит, точно будешь счастливым. И сильным будешь. Как он!

Конечно, это глупое совпадение. Генетика часто выкидывает такие шутки. Я не придаю этому значения – мало ли у кого бывают свищи?

Я надеваю на мальчика фланелевую шапочку, скрывая метку.

– В кювез его, быстро! – команду я медсестре.

Дима уже зашивает свою «модель», насвистывая под нос. Для него всё закончилось. А для меня и этого парня всё только начинается.

Двери операционной распахиваются. Я качу реанимационный стол по коридору, и мне кажется, что я везу не просто пациента. Я везу что-то очень личное. Что-то своё.

– С днем рождения, малыш, – шепчу я, толкая его по коридору. – Прости за такой прием, но для тебя всё только начинается.

4. Кукушка

Рассвет за окнами палаты интенсивной терапии серый и мутный. А это значит, что моя бесконечная смена скоро заканчивается.

Мальчик, опутанный трубками, тихо сопит в открытой реанимационной системе, его крошечные пальчики на руках слегка подрагивают во сне.

Стоя над столиком, я в сотый раз перечитываю бланк из лаборатории.

Группа крови: IV (AB) Rh (-).

Четвертая отрицательная. Редкая, как единорог. Элитарная, как любил шутить мой муж, гордый обладатель такой же "голубой крови".

Я улыбаюсь забавному совпадению. Если бы я верила в знаки, я бы уже пила корвалол. Но я врач, я верю в статистику и доказательную медицину.

Чтобы назначить терапию ребёнку, нужен анамнез. Особенно анамнез отца, потому что мать, судя по всему, здорова как лошадь, только мозгов ей не доложили.

Беру планшет и иду в послеродовое отделение, в палату к "звезде подиумов".

Снежана уже отошла от наркоза. Лежит поверх одеяла, уткнувшись в телефон. Выглядит она как побитая Барби: тушь размазана, губы искусаны, блонд спутался в гнездо. Увидев меня, морщится.

– Живой? – сипит вместо приветствия.

– Живее всех живых, – отвечаю я бодро, придвигая стул к её кровати. – Операцию перенёс. Грыжу вправили. Пластику сделаем позже. Парень – боец, в рубашке родился.

– Ольга Александровна, а как моя? – с соседней койки подает голос Киреева, бодрая толстушка в халате. Она уже спустила ноги на пол, готовая бежать, куда ей скажут.

Я устало потираю лоб.

– Лежите, Киреева. С вашей девочкой всё хорошо, я же говорила.

– Почему её не приносят? – она смотрит на меня большими влажными глазами и молитвенно складывает руки на груди. – Ведь обещали сегодня...

– Киреева, – я строга, но терпелива. – Ваш ребёнок пока под лампой, билирубин снижаем. Потерпите ещё пару часов.

– Но как же... – она вот-вот заплачет.

– Господи, только не это! – Снежана закатывает глаза так, что они вот-вот укатятся на обратную сторону головы. – Сейчас принесут младенца, вопли начнутся. Я, между прочим, после полостной операции. Мне отдых нужен, тишина!

– Заткнись, дура, – беззлобно, но весомо цедит Киреева.

– Сама заткнись, деревня! – шипит модель. – Если бы папик знал, что я в этом гадюшнике, он бы мне отдельную палату люкс оплатил!

– Вот и звони своему папику!

– Я сама решу, что мне делать, ясно?!

– Цыц! Успокоились обе! – Рываю громко, и в палате мгновенно воцаряется тишина. – Киреева, девочку принесут после обхода. Понятно? Отдыхайте.

Та, накупившись, откидывается на подушки, а Снежана издаёт стон умирающего лебедя.

– Теперь с тобой, красавица. – Я разворачиваю стул к Снежане. – Твой мальчишка сейчас стабилен. Сейчас он в реанимации, как стабилизируется, можно к нему сходить.

Снежана молча отворачивается к стене, остервенело грызёт ноготь с дорогим маникюром.

– Я не хочу смотреть. – Еле слышно бурчит она в стену, потом резко поворачивается ко мне и решительно продолжает. – Доктор, я отказную писать буду. Прямо сейчас. Дайте бумагу!

Киреева громко охает, а я вздыхаю. Почему-то я совсем не удивлена. Но вот то, что Снежана умеет писать, для меня сюрприз.

– Послушай, Снежана, – мягко, по-матерински начинаю я. – Подумай хорошенько. Ты же сама говорила, что ты модель. Просто представь, через несколько лет, какой-нибудь ушлый санитар сольет инфу жёлтой прессе. И на тебя в разгар славы обрушится волна хейта.

Снежана закусывает губу, в глазах мелькает испуг.

– Я не бросаю... Просто... Ну куда мне его? Я сама еще ребенок! Мне жить хочется!

Я смотрю на неё и думаю: «Не ребенок ты, а дрянь инфантильная».

Кажется, Киреева за моей спиной думает то же самое, судя по сердитому сопению.

– Снежана, – продолжаю вкрадчивым голосом, – Сейчас твоему ребёнку нужна мама. Даже такая... неопытная. Он пока слабенький, в доме малютки ему будет непросто.

– Я не умею! – в панике пищит она.

– Научишься, – ласково улыбаюсь. – Любая женщина тебе подтвердит, что сначала всем страшно.

Киреева одобрительно побряхтывает, но не вмешивается.

– У тебя обязательно проснётся инстинкт. Ты покормишь малыша, поддержишь на руках – он теплый, пахнет молоком...

– Нет, я не хочу!.. – Она отрицательно машет головой и взвизгивает. – Не хочу я! Нет!

Я вздыхаю, понимая, что взываю к пустоте.

Не хотела я ставить неизвестного мне «папика» под удар, но придется бить по больному!

5. Дорогая проблема

– Твой "папик" богат? – спрашиваю Снежану, уже зная, чем её добить.

– При чём здесь это? Он мне денег дал, чтоб проблему решила! – она боязливо натягивает простынь до подбородка и всхлипывает.

– А ты куда деньги дела? Потратила на сумочку? – не могу удержаться от яда.

Снежана опускает глаза.

– Чего это на сумочку? На машину... Мне на УЗИ сказали, что всё равно ребёнок нежилец. Я и подумала, что само рассосется...

Киреева испускает протяжный вздох, характеризующий уровень интеллекта её соседки. Я цыкаю на неё через плечо.

Нечего мне здесь портить профилактическую беседу.

– А оно, блин, выросло! – Продолжает Снежана. – И теперь что? Если он узнает, что я его обманула и родила... Он меня в асфальт закатает!

Я смотрю на неё и чувствую странную жалость. Не к ней – к мужику. Попал он с этой идиоткой.

– Ребёнок уже есть, Снежана. Включи калькулятор.

Я наклоняюсь ближе, понижая голос до заговорщического шепота:

– Отдашь ребенка в дом малютки, потеряешь алименты и пожизненное содержание. Если отец богат, он никогда не допустит, чтобы его наследник гнил в казенном доме.

Снежана быстро моргает. В голубых глазах, как вспышка молнии, мелькает алчный блеск. Кулачки, судорожно сжимающие край простыни, расслабляются.

– Ты же хочешь квартиру, дачу, няню? – Продолжаю напирать мягко и настойчиво. – Можно нанять персонал, который будет менять памперсы и купать. А ещё ты можешь вести блог, как красивая молодая мама ребёнка, которого вытащили с того света. Подписчики любят такое...

– Да-да, я подписана на одну такую, – снова подаёт голос Киреева, шурша какой-то обёрткой, – так жалко, там мальчик с ДЦП, но зато миллион подписчиков.

Снежана заинтересованно смотрит в сторону кушетки Киреевой, и я сейчас даже благодарна за этот дурацкий комментарий. Я, если честно, предложила наугад. И не думала, что эта идея ляжет в благодатную почву.

Я сама не понимаю, зачем я это делаю. Зачем учу эту кукушку, как потрошить чужой кошелек?

Наверное, потому что я врач. Я знаю систему. Лучше богатый отец-кошелек и такая мать, но дома, в тепле, с личной няней и массажистом, чем казенные стены и одиночество. У Снежаны мозгов нет, но есть ресурс – деньги отца. А мальчику этот ресурс жизненно необходим.

– Вот видишь, – продолжаю проникновенно, – а у тебя мальчишка красавчик будет. И ты останешься в шоколаде.

Киреева снова шуршит чем-то подозрительным, и я оборачиваюсь. Как раз в тот момент, когда она засовывает в рот очередную конфету.

Ахаю от такой наглости.

– Да что же ты делаешь! – Подбегаю к ней, и забираю конфету. – Ты дочь сама хочешь кормить или на смеси оставишь?

Киреева обиженно хлопает ресницами. А я брезгливо заворачиваю коричневый липкий комок в фольгу и прячу в карман.

– Вроде не первый ребёнок, должна понимать. Её обсыпет, а мне гадать потом – то ли печенье, то ли твоя конфетка...

– Я не буду кормить его, – подаёт голос Снежана и я, забыв про конфету, поворачиваюсь к ней.

Ладно, кормить не будет, но это уже что-то.

Снежана лежит, уставившись в потолок.

– Кормить не буду, но... – Смотрит на меня цепким осознанным взглядом. – Думаете... он заплатит?

– Он обязательно откупится, – усмехаюсь. – Мужики должны платить за свои ошибки.

– Даже завидно! – снова подаёт голос Киреева. – У меня дома трое по лавкам, муж вахтовик, ипотека. Я бы тоже лучше от твоего «папика» родила, чем копейки считать!

Снежана хватает подушку, собираясь запустить в соседку, но тут же охает и хватается за живот – швы дают о себе знать.

– Ай! Больно!

– С жиру бесишься, коза драная, – ворчит Киреева, отворачиваясь к стене.

Я не хочу ждать продолжения концерта.

– В общем, отказ ты писать не будешь. Так? – спрашиваю, ставя точку.

Снежана, морщась от боли, пытается лечь удобнее.

– Я подумаю... – сипит она. – Вова, конечно, жмот, но скандалов боится...

Меня словно током бьет.

Вова.

Ну, конечно. Я зову мужа Влад, но для многих он Вова. Впрочем, у нас каждый десятый – Владимир. Не повод для паники.

Только сердце почему-то пропускает удар, спотыкается.

– Так, – мой голос звучит ровно, профессионально. – Чтобы мне подобрать лечение, нужно знать, что у отца со здоровьем. Он не аллергик? Хронические заболевания есть?

Снежана машет рукой:

– Здоров он как лось. В качалку ходит, на ПП сидит. Группа крови... какая-то редкая. Он как-то хвастался, что у него "голубая кровь", типа аристократ. Четвертая, что ли...

– Наследственность? – продолжаю я, чувствуя, как холодеют пальцы, сжимающие планшет. – У ребенка есть небольшая особенность строения ушной раковины. Преаурикулярный свищ. Дырочка возле уха. Это чистая генетика. У отца есть такое?

Снежана закатывает глаза, вспоминая.

– А, эта фигня? Есть. У него на правом ухе такая точка. Он говорит, его в роддоме пометили, чтоб не украли. Шутит так.

Мир вокруг меня сворачивается в точку. Звуки палаты – возня Киреевой на матрасе, шум с улицы – исчезают. Остается только гул крови в ушах.

«Пометили в роддоме».

Это фраза Владимира. Моего Владимира.

Я слышала её сотни раз. Я целовала эту "метку", когда он, уставший, клал голову мне на колени. "Точка счастья", так я её называла.

И в голове, как на ускоренной перемотке, начинают щелкать кадры нашей "счастливой" жизни, складываясь в одну уродливую картину.

Где-то полгода назад Влад был сам не свой. Ходил чернее тучи, огрызался по мелочам, даже спать перебрался в гостевую. Всё твердил: «Оль, на работе завал, сложный актив, инвесторы прессуют, риски огромные...»

Я верила. Жалела его. Варила кофе по утрам, ходила на цыпочках, старалась лишний раз не трогать. Мой бедный, несчастный муж так устаёт ради семьи!

А потом он вдруг выдохнул. Резко, в один день. Расцвел, снова стал прежним внимательным Владом.

Теперь понятно почему!

Потому что отстегнул Снежане круглую сумму на аборт. Решил, что "закрыл проблему". И на радостях повез меня и дочь Алису в отпуск.

Я помню тот отпуск до мелочей. Мы сидели на веранде, пили вино, Алиса строила замки на песке, а он смотрел на меня влюбленными глазами и говорил, что я и дочь – лучшее, что у него есть.

Господи, как же мерзко...

Медленно поднимаюсь со стула, хватаясь за спинку, потому что ноги ватные. Земля уходит из-под ног.

– Мне нужно документы заполнить. Как... фамилия отца? – спрашиваю одними губами, хотя уже знаю ответ. Мне просто нужно услышать это вслух.

Пусть прямо сейчас прозвучит контрольный выстрел.

Снежана, приободрённая новостями о возможном обогащении, беспечно пожимает плечами. Она даже не подозревает, что подписывает смертный приговор моему браку.

– Власов. У него жена, кажется тоже врачаха. Клуша какая-то, на работе вечно. Ему с ней скучно.

– Спасибо, – произношу ледяным, механическим голосом. – Этой информации... достаточно.

Я разворачиваюсь и иду к двери. Спина прямая, как струна. И только я знаю, чего мне стоит каждый шаг.

– Ольга Александровна! – кричит мне в спину неугомонная Киреева. – А когда обход будет? Мне бы скорее дочку увидеть!

– Скоро, Киреева. Скоро... – отмахиваюсь от неё, как от комара.

И уже вываливаясь в коридор слышу, как Киреева громким шёпотом добавляет.

– Ольга Александровна с твоим «папиком» однофамилица что ли, я не поняла?

Захлопываю дверь и прижимаюсь спиной к холодной стене, выкрашенной зелёной эмульсионкой.

Мне нужно вдохнуть. Мне нужно смыть с себя эту грязь. А ещё мне нужно посмотреть в глаза "счастливому отцу".

6. Снежинка

9:45

Я выхожу из ванной и медленно иду на кухню. Включаю кофе машину и, пока она гудит и фыркает, тяжело облокачиваюсь руками на стол.

В голове – звенящая пустота. На стене часы равнодушно отсчитывают секунды моей новой жизни.

Механически насыпаю зёрна. Когда будем разводиться, кофе машину я ему не отдам, пусть варит кофе в турке и давится осадком.

Машина, наконец, выдает порцию кофе, и я удовольствием вдыхаю запах. Делаю глоток чёрного, как дёготь, эспрессо.

– Тебе бы поспать сейчас, пока Алиса в школе. Не пей кофе, отдохни.

Голос Влада бьет по нервам. Он стоит в дверях – аккуратно выбритый, в свежей рубашке, на шее белеет маленький квадрат лейкопластыря. Выглядит так, будто ничего не случилось.

Какой заботливый у меня супруг! Золото, просто!

Игнорирую его ценное замечание и отворачиваюсь к окну, не хочу, чтобы его рожу портила мой личный маленький дзен.

Я хочу в тишине и покое выпить кофе на руинах своего мира. Я думала, что у меня есть семья, любимая работа, надёжный мужчина. Но мой мир сегодня ночью рухнул, как старая обветшавшая постройка. И под ним оказалась выгребная яма, где я ношу статус «клуши», а молодая идиотка пытается убить ребенка моего супруга.

За спиной слышатся шаги. Я делаю ещё один глоток и загадываю мысленно. Если он сейчас положит мне руку на плечо, я просто вылью остатки эспрессо в его холёную морду.

Жену остановила бы жалость к испорченной дорогой рубашке. Но я ему больше не жена. Я клуша, с которой скучно!

Влад меня не касается. Но я спиной чувствую его присутствие – плотное и тяжёлое.

– Оля... Это вышло случайно.

Я усмехаюсь в чашку. Господи, какая банальность. Я была уверена, что мой умный, циничный Влад придумает что-то пооригинальнее.

– Случайно? – я медленно поворачиваюсь, глядя ему в переносицу. – Снежана шла по улице, поскользнулась и случайно упала на твои первичные половые признаки? Сначала ртом, а потом другими органами? И так несколько месяцев подряд?

– Оля, я не снимаю с себя вину. Но она мне не нужна. Мне нужны только вы с Алисой.

– А ты меня спросил, нужен ли ты мне?

Снизу вверх смотрю на чётко очерченные губы, лихорадочно поблескивающие глаза. Родное лицо, которое сегодня стало для меня чужим.

Между нами чашка с горячим кофе, она слегка подрагивает в мои пальцах. И когда Влад надвигается на меня, кажется, он вдавит мне её в солнечное сплетение.

– Оля эта была случайность и ошибка. И я не отказываюсь от семьи. Мне не нужна другая женщина, и не нужен другой ребёнок. Я вас люблю!

Ехидно приподнимаю уголок губ.

– А вот твоему ребёнку ты нужен сейчас. Счастливая мать ещё не звонила? Не требовала памперсы и Бентли?

– Она давно заблокирована. Я вычеркнул её из своей жизни.

Влад продолжает нависать надо мной, от него пахнет ментоловой пеной для бритья и одеколоном. А мне душно рядом. И неуютно стоять так близко к чужому мужчине, отцу чужого ребёнка.

Я пытаюсь вывернуться, юркнуть в сторону, но он хватает меня за локоть.

– Стой!

Я дергаюсь, чувствуя, как кипятком обжигает кожу через тонкую ткань блузки. Резко отшатываюсь.

Влад, на рубашку которого попало куда больше, стоит, даже не шелохнувшись. Ему плевать на боль. Он смотрит на меня безумными глазами.

Этот ожог становится последней каплей. Ледяная броня, которой я сковала сердце с утра, лопается с оглушительным треском. Меня накрывает. Жжет не кожу, жжет внутри – адской смесью обиды, унижения и злости.

– Идиот! – с грохотом швыряю пустую чашку на стол. Керамика чудом не бьется. Хватаю полотенце, судорожно стряхиваю коричневые капли. – Ты ни предохраняться не умеешь, ни разговаривать! Ты меня обжег!

– Прости... Я не хотел...

– У тебя всё «случайно»? Любовницы, дети, ожоги жены! – меня трясет, слезы гнева подступают к горлу. – То есть, не жены, а скучной клуши! Влад, уйди. Просто уйди сейчас.

– Оля, она тебя накрутила! Всё не так!

– Разблокируй эту дуру! Твой сын в реанимации, ты нужен ему! – ору ему в лицо, срывая голос.

– Да помнишь ты, у меня клиенты были, испанцы?! – у Влада лицо идет красными пятнами. – Мы в ресторан ходили, я звал тебя, ты на дежурстве была! Снежана с ними сидела, я думал, она эскортница, для них заказана! Может, так и есть, я не знаю... Я думаю, они специально её подсунули! Чтобы меня на крючок взять, компромат получить! Я почти не пил тогда... Но меня так развезло, я сам не понял, как это случилось...

– Заткнись! – я закрываю уши руками. – Я не хочу слушать эту грязь!

– Я когда очнулся в отеле и увидел её рядом... я её чуть не убил! А потом она позвонила, спустя три месяца...

– Вы все такие бедные и несчастные! Жертвы обстоятельств! – кричу я, чувствуя тошноту от отвращения.

– Она просто тупой кусок мяса... Она ничего не значит!

– А сын – тоже мясо?! – хлещу его полотенцем по рукаву. – Мясо весом два восемьсот, которое цепляется за жизнь, пока папочка придумывает сказки про злых испанцев?

– Он больной! – орет Влад, багровея, и вены на его шее вздуваются. – Снежана говорила, там уродство! Я ей денег дал, чтобы она всё решила, аборт сделала, Оля! Мы ведь счастливы были... У нас Алиса, у нас планы... Я всё улажу. Я отправлю их куда подальше. В Германию, в Израиль... Купим им дом, пусть живут там и не отсвечивают. Только давай забудем! Как страшный сон!

Мир замирает, полотенце безжизненно повисает в моей руке. Я смотрю на Влада и вижу не мужа, а чудовище.

– Пошел вон, – шепчу я. – Вон из моего дома. Сейчас же.

– Оля, не дури. Она специально залетела...

– Вон! – мой крик, кажется, заставляет дрожать стекла в рамах. – Испанцы решили продолжить твой великолепный генофонд?! Не пори чушь! Собирай шмотки и вали к своей модели! В отель! В ад! Мне плевать! Чтобы через пять минут твоего духа здесь не было! Или уйду я!

Влад стоит, тяжело и хрипло дыша. В его глазах – адская смесь злости, страха и растерянности. Он не привык, что ему говорят «нет». Он привык, что его целуют в задницу.

– Ты пожалеешь, – цедит он сквозь зубы, меняясь в лице. – Ты сейчас на эмоциях рушишь всё, что мы строили десять лет.

– Ты разрушил всё сам. Ключи на тумбочку.

Он медлит, сжимая кулаки так, что белеют костяшки. Воздух в кухне наэлектризован до предела, кажется, чиркни спичкой – и рванёт.

И в этой звенящей, плотной тишине вдруг раздается звук.

Веселая, легкомысленная мелодия айфона.

Влад дергается, инстинктивно хлопает по карману. Достает телефон. Экран загорается, освещая его перекошенное лицо. Я успеваю увидеть на дисплее не имя, а смайлик.

*# Снежинка.

Вот скотина. Она у него не заблокирована!

Врёт, всё врёт!

– Отвечай, – смотрю ему прямо в глаза. – Твоя «проблема» звонит. Видимо, хочет поздравить папочку с рождением наследника.

7. Шестерёнки

Влад бледнеет. Телефон в его руке верещит и вибрирует, требуя внимания.

– Оля, не надо так... – шепчет он.

– Ответь! – рывкаю я и швыряю полотенце ему в грудь, и он ловит его на лету,

Он смотрит на экран, потом на меня. И сбрасывает вызов. Становится так тихо, что я слышу удары своего сердца.

Смотрю на погасший экран смартфона в его руке, как на гранату с выдернутой чекой. Мне кажется, что сейчас снова высветится снежинка на экране.

– Уходи, – говорю я устало. У меня больше нет сил кричать. – Просто уходи.

Как? Как я допустила подобное?

Слишком доверяла? Не проверяла телефон, не следила, не задавала вопросы. А помогло бы это?

Я сама постоянно на дежурствах и представляю, как меня бесили бы вопросы о том, с кем я принимала роды и почему задержалась на пару часов.

Мы были партнёрами. Не просто мужем и женой – мы делили одну жизнь на двоих так, что уже не разобрать, где мое, где его. Я тащила ночные смены, он тащил утренние сборы в садик и школу. Я валилась с ног после работы, он молча забирал Алису на весь день, чтобы я выспалась.

Мы не считали, кто больше вложил, кто устал, кто должен. Мы просто были командой. Одним целым.

И вот теперь я чувствую себя так, словно мне отрубили руку. Или ногу.

Наверное, я должна с ним поговорить, понять его... Не чужой же человек. Он знает, как я люблю кофе без сахара и что боюсь гроз. Он держал мою руку, когда я рожала Алису.

Он меня никогда не обижал, любил, заботился и не отлынивал от семьи. Был идеальным мужем. До сегодняшней ночи.

Я должна с ним поговорить. Но я не могу!

Накрываю лицо ладонями:

– Я не могу тебя видеть.

А в следующую секунду я в тихой, но яростной борьбе пытаюсь вырваться из его рук. Влад прижимает меня к груди, игнорируя сопротивление.

– Не прикасайся! – бью его кулаками в грудь, в плечи, куда попаду. Он ловит мои запястья, и тогда я бью его головой. В скулу, в нос – мне всё равно. Он зажимает меня так, что я не могу пошевелить руками, и я кусаю его. Впиваюсь в плечо, ткань рубашки скрипит на зубах.

Он шипит, но не отпускает.

– Не смей! – ору раненым зверем. – Не смей ко мне прикасаться!

Глаза жгут слезы, грудь клокочет от криков, которые я не могу выпустить, и меня сотрясает в немых рыданиях.

– Прости меня, – Влад покрывает поцелуями мои волосы. – Если бы я мог всё повернуть обратно!

Он держит меня, прижимает к себе со всей силой. И я чувствую тепло его тела, но не вижу лица.

Тепло знакомое, родное. Я засыпала в нём много лет, и к этому теплу у меня нет ненависти.

И моя дурацкая спина тянется к этому теплу, вжимается в него, потому что я так привыкла.

Мне больно. Так больно, что хочется выключиться. Просто нажать кнопку и не чувствовать.

Почему при родах организм дает отключку, когда боль зашкаливает? Почему сердце не может так же – взять и временно замереть, чтобы не разрываться? Но нет. Душевная боль не имеет анестезии. Ее нужно терпеть здесь и сейчас, живьем, без наркоза.

Но в инкубаторе сейчас лежит мальчик в крошечной шапочке. И его не запихнуть обратно в утробу, откуда он вышел несколько часов назад.

И это не просто измена. Это хуже!

– Оля, у нас Алиса, – Влад жарко вздыхает, прижимая к себе мою голову и пытаясь убавлять на груди. – Подумай о ней!

Да, именно о ней я и должна думать сейчас, не о чужом мальчике. О своей родной дочери. Как она воспримет то, что папа не отвезет её утром в школу? Как она будет ночевать одна, когда я буду пропадать на дежурстве?

Наши отношения летят под откос, и швырять Алису в клоаку, в которой мы оказались, нельзя.

Шестеренки в голове скрипят, проворачиваются, стирая зубчики.

Даже если я прощу, потому что так удобно нам с дочерью, тень предательства останется.

Эта тень будет ложиться между нами в постель каждую ночь. Она будет сидеть с нами за ужином.

Я буду помнить о маленьком мальчике каждую грёбаную секунду своего существования!

И каждый раз, когда Влад будет говорить "я задержусь на работе", я буду считать, что он поехал к нему. И к тупой дуре с платиновыми локонами.

А когда у Алисы не будет хватать на секцию, потому что деньги уйдут туда – а они уйдут, потому что я сама дала Снежане готовый план действий, я буду смотреть на Влада, и молчать. Или не молчать, а кричать.

И с каждым годом во мне будет меньше от той Оли, которую он любил, и больше от озлобленной бабы, которая считает каждую копейку и проверяет его телефон, пока он в душе.

– Не надо, Влад... – хриплю, выкручиваясь из объятий.

Пятясь, как рак, отползаю к стене. Обхватываю колени руками и смотрю на когда-то любимого мужа.

– Оставь меня, – провожу ладонью по лицу, пытаюсь стереть с себя напряжение и страх за будущее. – Ты на работу собирался. Я не готова сейчас к разговору, вопросам и ответам. Я... хочу побыть в тишине. Мне смотреть на тебя сейчас больно и тошно, – и добавляю, рыча. – Меня мутит от твоей рожи, Влад.

– Оля, – Влад касается моей руки, а я ее одергиваю и прижимаю к груди.

– Уйди! – верещу громко и пронзительно.

Он поднимается с таким усилием, будто на него упал потолок.

– Хорошо, – смотрит в сторону, – вечером поговорим. Попроси маму, чтобы забрала Алису.

Он подхватывает с дивана пиджак, и, не оглядываясь, выходит.

Снова слышу приглушённую трель телефона, а затем хлопает входная дверь.

Наверное, Снежана всё-таки дозвонилась до «папика».

8. Выбор

Мне нужно поспать после ночного дежурства, но я не могу. Голова распухла, в ней словно гудит рой злобных пчёл.

Я возвращаюсь на кухню и беру в руки губку. Автоматически, как заведенная, начинаю оттирать столешницу.

Как Алиса воспримет новость о том, что папа с мамой больше не вместе? Влад явно надеется, что я перебешусь, выплачусь, а потом включу логику и приму "неожиданную новость".

И самое страшное – он чертовски прав в одном. Скандал и грязный развод станут огромным злом для всех. Семейными дразгами я отравлю жизнь нашей дочери и добыю своих пожилых родителей. Да и себя за компанию!

На столе вибрирует телефон.

Доча звонит.

Желудок сжимается в предчувствии чего-то плохого.

Я не хочу отвечать. Что я ей сейчас скажу?

Смахиваю зеленую трубку и прижимаю телефон к уху плечом, продолжая остервенело втирать губку в застарелое фиолетовое пятно от шариковой ручки. Алиса делала здесь уроки в младших классах и любила грызть колпачки. Помню, как обернулась от сковородки с сырниками, а у нее всё лицо в синей пасте, и прописи заляпаны...

Загадываю: *если сейчас ототру пятно – всё как-нибудь обойдется.*

Как именно «обойдется», я не знаю. Но как-нибудь...

– Да, доча?

– Ма, – настороженно тянет Алиска, – ты видела школьный чат?

Сердце совершает путешествие по моему организму – от пяток до горла и обратно. Я настолько не жду ничего хорошего, что мысленно представляю сообщение: *«Поздравляем Алису Власову с братиком!»*

Сразу после информации о сборе денег на контурные карты по географии.

– Нет, не видела, – сиплю, роняя тряпку и глядя на золотистую завитушку обоев. Она раздваивается и плывет перед глазами.

Алиса молчит, только напряженно сопит в трубку.

– Что... Что случилось? Не молчи!

Дочь вдруг звонко смеётся, и от этого озорного звука распускаются ледяные тиски, сжимающие грудь.

– Не переживай ты так! Я в областной тур олимпиады по математике прошла, прикинь?! Наша гримза в чат списки скинула!

Я тяжело оседаю на стул.

– Ты у меня молодец... – выдыхаю я, прикрывая глаза. – Умница моя.

– Может, вечером сходим куда-нибудь отметить? Пиццу поедем?

– Да, малыш, хорошо... – я потираю переносицу и тут же вспоминаю о главном. – Подожди. Я хотела попросить тебя сегодня к бабушке съездить с ночевкой.

– Мам, ну сколько раз говорить: не называй меня малышом!

– Хорошо, прости.

– И к бабушке я не хочу! Я хочу отмечать! Пиццу хочу с вами! – в её голосе прорезываются капризные нотки.

– Алиса, у меня смена очень тяжелая была. Я сегодня не смогу праздновать.

– Ну ты, как всегда! – обиженно ноет она. – У меня событие! Я, может быть, единственная из всей параллели прошла! А у тебя, как всегда, твоя долбаная работа!

Я снова хватаю губку и начинаю тереть идиотское пятно. Мне нужно что-то делать руками, иначе я расплачусь прямо сейчас, и Алиса по тону поймет: случилось непоправимое.

– Прости, – шепчу, сдерживая слезы. – Лисенок, я просто устала. Давай в выходные?

– Задрало! – оскорбленно верещит дочь. – Я папе тогда позвоню! С ним пойду!

– Как хочешь...

Звонок обрывается короткими гудками.

Смогу ли я найти в себе силы сидеть сегодня вечером напротив Влада с куском пиццы и улыбаться Алисе, словно ничего не произошло? Радоваться её олимпиаде, зная, что у её отца сегодня другое, куда более важное событие?

Не знаю. Вряд ли. Завтра – может быть. Но не сегодня.

Я в западне. Алиса – папина дочка, иногда мне кажется, что их связь более глубокая, чем у меня с ней. Не сомневаюсь, что он ей не откажет.

А теперь её эгоистичная принципиальность не дает мне ни времени, ни пространства, чтобы подобрать правильные слова о том шторме, который уже несется на нашу тихую, мирную жизнь.

Своим материнским сердцем я предчувствую беду.

Огромную, черную беду, которая уже стоит у порога нашего дома и скалит зубы. Алиса пока ничего не знает. Для неё мир всё ещё цел: мама лечит детей, папа зарабатывает деньги, а выход в областной тур по математике – главное событие года.

И я могу защитить её от этой беды. Для этого нужно просто сделать вид, что ничего не было. Улыбнуться Владу вечером за коробкой пиццы, позволить ему обнять себя за плечи. Спрятать правду в самый дальний угол подсознания, забить досками и закрасить сверху розовой краской благополучия. Ради спокойного сна дочери и её веры в надежных мужчин.

Но тогда что останется от меня?

Я превращусь в ту самую «скучную клушу», которая молча глотает предательство в обмен на комфорт и иллюзию семьи.

Если рана гноится, её нельзя закрывать пластырем. Её нужно вскрывать, вычищать гной, терпеть боль, иначе начнется сепсис, и пациент умрет.

Наш брак – это гангрена. И ампутация неизбежна, даже если Алисе будет больно.

Я опускаю взгляд на столешницу.

Вокруг чернильного следа образовался белый круг стертого до матовости лака, а мерзкое пятно так и сияет всеми гранями фиолетового, вдавываясь в мертвое.

Моя примета не сработала. Ничего не обойдется. Грязь не стирается.

Снова коротко вибрирует телефон. На какую-то жалкую долю секунды мне кажется, что это Алиска передумала и хочет попросить прощения.

Но нет. Это дежурная медсестра.

«Ольга Александровна, ребенок Снежаны стабилен. Но мать требует перевода в платную палату. И всё самое лучшее для ребенка: личную медсестру, круглосуточный мониторинг. Говорит, папик всё оплатит. Что отвечать?»

Я смотрю на экран сквозь плотную пелену слез и вдруг начинаю смеяться. Громко, до икоты.

– Скажи, что папик оплатит, – шепчу я в пустую кухню, стирая слезы тыльной стороной ладони. – Он за всё заплатит. До копейки.

9. Наша жизнь

Я всегда считала, что закалила свои нервы, как дамасскую сталь. Годами я ковала их, попеременно окунаясь то в восторг появления новой жизни, то в ледяной ужас детской реанимации.

В моей профессии иначе нельзя. Я научилась держаться, чтобы ни происходило вокруг. Мне не раз приходилось выходить к бледным родителям с абсолютно непроницаемым лицом.

Если я и рыдаю от бессилия, то делаю это глубоко внутри, где никто не видит.

Но сегодня мой внутренний стержень гнется. Моя врачебная выдержка трещит по швам и грозит разлететься в щепки.

В «Трагтории» на углу шумно. Пахнет базиликом, чесночным маслом и жареным тестом. На нашем любимом столике в углу горит свеча в пузатом подсвечнике.

– А математичка такая поверх очков смотрит и говорит: «Власова, ну ты даешь!»

Алиса прерывает свой эмоциональный рассказ, чтобы откусить огромный кусок пиццы «Четыре сыра». На её щеке мазок сырного соуса, а глаза горят неподдельным, абсолютным счастьем.

Подперев щеку ладонью, я слушаю про реакцию математички уже в третий или четвертый раз. Я улыбаюсь, киваю, но мыслями я где-то бесконечно далеко.

– Ты такая умница. – Я протягиваю руку через стол, чтобы растрепать Алискину челку.

От этого невинного движения Влад, сидящий рядом с дочерью, едва заметно вздрагивает.

Он приехал в пиццерию прямо из офиса. Снял пиджак, закатал рукава дорогой рубашки. Со стороны – расслабленный отец семейства на отдыхе, если бы не этот тяжелый, загнанный взгляд.

Впрочем, любой посторонний списал бы это на усталость после трудных переговоров.

Я же объясняю это напряжение немалыми финансовыми трудностями, которые ему пришлось сегодня нести.

К Снежане он не ездил, и к сыну в ПИТ не заходил. Я знаю это точно, потому что дежурная медсестра обязательно бы мне доложила о визите «спонсора». Но деньги перевёл.

– Пап, у меня твой математический ум! – Алиска счастливо прижимается к плечу отца.

Влад обнимает её одной рукой, а другой поднимает стакан с минералкой, ловя мой взгляд.

В его серо-стальных глазах я читаю прямой, отчаянный посыл: *«Смотри. Вот наша жизнь. Вот наша дочь. Я всё исправлю».*

Словно мы не в ресторане, а на семейном совете директоров, и он презентует мне план по спасению своего брака.

– За мою умную дочь! – Влад подмигивает Алисе и звонко чокается с её стаканом лимонада. – Ты моя гордость, Лис. Если выиграешь область – проси что хочешь. Хоть новый айфон, хоть поездку в Дубай на каникулы.

– Пап, серьезно?! – Алиса аж подскакивает на диванчике, едва не опрокинув лимонад на скатерть.

– Слово отца, – он усмехается и целует её в макушку.

Идеальная картинка. Заботливый, щедрый папа, который любит, балует и поощряет свою дочь.

Меня физически мутит. И вовсе не от запаха расплавленного сыра, а от густой фальши, щедрым слоем размазанной по нашему семейному ужину.

– Оль, ты совсем ничего не ешь, – Влад берет лопатку и аккуратно перекладывает мне на тарелку кусок пиццы с пармской ветчиной. – Попробуй.

В его голосе звучит столько искренней, обволакивающей заботы, что хочется вскочить и закричать на весь зал.

Муж ведет себя так, словно утреннего кошмара на кухне никогда не существовало, а Снежана не звонила ему с требованием денег.

Влад, абсолютно уверен, что я подыграю ради психологического комфорта нашего ребенка.

– Я не голодна, – ровно отвечаю я и отодвигаю тарелку подальше от себя.

Алиса беззаботно болтает ногами, доедая свой кусок.

– Мам, пап, а вы пойдете со мной на награждение? Наша гримза сказала, что грамоты будут вручать торжественно, в актовом зале.

– Конечно, мы придем, солнышко, – Влад широко улыбается Алисе, но тяжелый выжидающий взгляд устремляет прямо на меня. – Мы же семья, мы всегда всё делаем вместе. Правда, Оль?

Натянута улыбаюсь в ответ.

Это откровенный удар ниже пояса. Муж осознанно делает Алису живым щитом в нашем невидимом поединке.

Дочь радостно вскакивает с места.

– Класс! Я сбегая к официанту, узнаю, можно ли тирамису с собой завернуть. На завтрак оставляю.

– Беги, – благосклонно кивает Влад.

Как только дочь скрывается за колонной, Влад подается вперед. Опирается предплечьями на столешницу, и доверительно шепчет:

– Оля, я всё уладил. Тебя больше никто не побеспокоит. Никаких счетов от клиники или случайных звонков. Я уже нанял человека, который оформит им переезд сразу после выписки.

Влад ждёт, что я сейчас подпрыгну и от радости захопаю в ладоши?

Опускаю взгляд на его чистые, ухоженные руки с аккуратным маникюром, спокойно лежащие на белой накрахмаленной скатерти.

– Какая потрясающая оперативность, – брезгливо морщусь. – Решил глобальную проблему всего за один неполный день?

– Моя работа заключается в том, чтобы решать проблемы, – произносит Влад. – Оль, я знаю, что виноват перед тобой. Но посмотри на Алису. Ты действительно хочешь разрушить её мир из-за одной глупой ошибки? Я прошу тебя, давай просто забудем этот кошмар.

Я медленно поднимаю глаза. Муж напряженно ждет ответа в полной уверенности, что его железобетонная логика сработает безотказно. Что я выберу привычный комфорт, свой собственный и нашего ребенка.

– Забыть? – тихо спрашиваю я. – Влад, ты предлагаешь мне жить на помойке, просто повесив на стену красивую картину.

– Оля...

– Нет. Послушай меня теперь ты, – я чеканю каждое слово, не повышая голоса. – Я с трудом заставляю себя улыбаться тебе сейчас. И это последний раз...

Влад хмурится, не до конца понимая.

– Что значит «в последний раз»?

– То и значит. Я подаю на развод. А ты завтра собираешь вещи и съезжаешь из моего дома. Иначе картину со стены я сниму прямо сейчас, и Алиса узнает, какую именно "проблему" решал её идеальный папа.

Рядом тихие шаги Алисы, и я выпрямляюсь, снова пытаюсь мило улыбнуться.

Но дочь безошибочно улавливает плотное напряжение, повисшее над столом.

– Мам, пап... – её тревожный взгляд растерянно мечется между нами. – Что-то случилось, да?

11. Спасибо за сына!

Влад привез Алису прямо к крыльцу, я видела, как блеснули в темноте фары его машины. Но я совершенно не ожидала, что, открыв дверь на звонок, увижу на пороге не только насупившуюся дочь, но и мужа.

– Привет, – Влад упирается ладонью в Алискин рюкзачок и с явным раздражением подталкивает её вперед. – Принимай дочь.

От этого тычка Алиса делает пару неверных шагов в прихожую, резко выдирается из-под его руки и, злобно фыркнув, стягивает рюкзак. С силой швыряет его в угол. Рюкзак, как пушечный снаряд, врежется в стойку с зонтами, со звоном опрокидывая её.

– Мам, я музыку у себя слушаю, – бросает она, даже не глядя на нас.

– Конечно, милая. Иди.

Я тяжело облакачиваюсь о дверной косяк, наглухо перегораживая Владу вход. Жду, пока яростный топот дочери по лестнице стихнет на втором этаже, и только тогда медленно поворачиваю голову к мужу.

– Охамел совсем? – шиплю сквозь сцепленные зубы. – Ты зачем её толкаешь?

Влад отступает на шаг, и устало трет переносицу. Под глазами у него залегли резкие, темные тени.

– Я... случайно. На взводе был всю дорогу.

– Ах, на взводе... Надо же!

Я складываю руки на груди, чувствуя, как внутри тихо булькает злое удовлетворение. Да, наша Алиса – капризный, острый на язык подросток. Если бы не мое суточное дежурство, она бы вообще категорически отказалась ехать к Владу в городскую квартиру.

Я вообще могла бы накрутить её, наговорить гадостей про отца. Но я благородно сдержала своё уязвленное женское эго. У меня с Владом своя история, а у дочери – своя.

– И чего ты ожидал? – я выгибаю бровь. – Что она от радости прыгать будет и рассказывать, как в школе дела?

– Не ждал, конечно, – огрызается он. – Но она со мной вообще не разговаривает. Всю дорогу пялилась в телефон и молчала.

Бедненький наш папочка. На него обиделась любимая доченька. Прямо рыдать хочется от жалости к одинокому непонятому отцу.

– Полностью разделяю чувства своей дочери, – киваю. – Даже жаль, что я взрослый человек и не могу позволить себе такую роскошную опцию, просто заткнуть уши наушниками, когда ты рядом.

– Алиса не такая, как ты. Даже не сравнивай, – Влад смотрит на меня исподлобья.

– Не такая – это какая? Черствая? Жестокая и рациональная?

Влад морщится, но молчит. Два дня назад он собрал вещи и съехал. Я полночи успокаивала Алису, для которой звук захлопнувшейся двери стал точкой невозврата к прежней жизни.

Она так и уснула со мной на кровати, свернувшись калачиком.

Я могла её понять. Когда мои собственные родители развелись, мой мир точно так же раскололся на две части.

Будь у меня тогда, в тринадцать лет, закадычные подружки, парень или хотя бы спортивные увлечения, я бы, наверное, растворилась в подростковых проблемах и мне было бы легче. А так, развод родителей украл у меня остатки детства.

Я вытаскивала из депрессии маму, которая буквально разваливалась на куски после ухода отца, который ушёл к молоденькой медсестричке. Я варила маме супы, прятала таблетки для сна и слушала бесконечные рыдания на кухне.

Может поэтому, мне было проще общаться с отцом. Он хотя бы не ныл.

Я поклялась себе: моя дочь никогда не увидит меня такой. Для Алисы я не стану жалкой жертвой обстоятельств, которую нужно утешать и жалеть. Пусть лучше у неё будет сильная мать. И моя работа, ночные дежурства – это тоже часть жизни моей дочери.

Первый год будет непросто, но потом привыкнет. Я же привыкла!

Много лет назад мир не остановился оттого, что мой отец ушел к другой. И не рухнет сейчас оттого, что Влад обрюхатил какую-то тупую модельку.

Я прислоняюсь плечом к дубовой двери, не давая ей закрыться, и насмешливо смотрю в лицо пока еще мужа. Он стоит на бетонном крыльце, поеживаясь в легком осеннем пальто.

– Не хочешь узнать, как поживает твой сын? – целенаправленно бью в самую болевую точку.

Мне нравится наблюдать, как на его лице проступает растерянность.

– Не хочу... – его голос звучит глухо, отстраненно и жутковато. Как у злодея из сериала.

– Мне плевать на него. Плевать.

С моих губ срывается короткий, горький смешок.

– Ну и гад же ты, Влад. Ребенок-то твой в чем виноват?

Он молчит, уставившись куда-то поверх моего плеча.

Я прекрасно понимаю: он хочет бросить мне в лицо «в том, что вообще родился» или «это ошибка, его не должно было быть». Но даже до его циничного мозга доходит, что это уже будет откровенным, непростительным хамством. Сам-то, красавчик, вроде не мимо проходил, и что-то всё-таки сделал для его появления на свет?

Мы молча смотрим друг на друга. Между нами, как высоковольтные провода, гудит напряжение. В нем намешано столько тяжелого укора, удушающего гнева и необратимого разочарования, что на этом гремучем коктейле можно было бы взорвать весь наш поселок.

– Это всё исключительно твоя вина, – шепчу, потому что голос отказывается звучать громче. – Это ты виноват, Влад, что так всё мерзко получилось. Поэтому даже не вздумай сваливать свою вину на ребенка.

– Да, – он поднимает на меня прямой, темный, пронизывающий взгляд. – Я знаю.

Вена на его виске бьется ещё чаще, словно хочет прорвать тонкую кожу.

– С твоим сыном, кстати, всё хорошо, хотя тебе это и совершенно не интересно, правда? – я насмешливо вскидываю бровь. – Через пару дней я посмотрю контрольные анализы, и будет понятно, как идет восстановление после операции. Парень оказался крепким.

Влад стискивает челюсти так, что желваки выступают острыми углами. Ему физически больно это слушать, и меня это бесконечно радует.

– И еще одна деталь для твоего плотного графика, – наклоняю голову к плечу, растягивая губы в улыбке. – Его мать завтра выписывают. Можешь купить огромный букет роз, приехать к дверям отделения и торжественно её встретить. Или, хочешь, я сама шарики закажу на выписку? Синие такие, с надписью «Спасибо за сына!».

Влад распахивает глаза, и в его стальном взгляде покорность внезапно сменяется настоящим, темным бешенством. Он делает резкий шаг вперед, вклиниваясь плечом в дверной проем, не давая мне закрыть дверь.

– Прекрати это блядство, Оля, – рычит он прямо мне в лицо. – Прекрати надо мной издеваться. Ты прекрасно знаешь, что я туда не поеду. И ты знаешь, почему.

10. Последний семейный ужин

– Мам, пап... Что-то случилось, да?

У меня в глотке словно вырастает колючий ёж. Он растопыривает иголки, впиваясь ими в связки, и не дает ни то, что слово выговорить, я даже вдохнуть толком не могу.

Но Алиса, застывшая с десертной коробочкой в руках, не собирается ждать, пока я справлюсь с удушьем.

– Ма-ам? – жалобно тянет дочь. – Что-то с бабушкой?

Я перевожу ошарашенный взгляд на Влада. Он смотрит на меня не мигая. Негнущимися пальцами снимает салфетку со стола и зачем-то расправляет её на коленях.

– Он в больнице? Мам! Он жив вообще?! – у Алисы краснеет нос. Ещё секунда, и она либо разрыдается, либо сорвется на крик здесь.

– Бабушка? – я медленно отмираю, вышвыривая ежа из горла. – Нет... С ним всё хорошо.

– Он ещё всех нас переживет, – добавляет Влад.

Чувствую, как ему хочется добавить в конце что-то вроде «старый хрыч», но он сдерживается при дочери.

С моим отцом у Влада всегда были, мягко говоря, своеобразные отношения. Мой отец, кандидат медицинских наук, заведующий кафедрой в мединституте, был категорически против нашего брака. Папа искренне уверен, что врачу нужно искать пару среди себе подобных, и совершенно не одобрял бойкого, дерзкого выпускника финансового факультета.

И вот уж кто будет искренне рад моему разводу — так это он.

И даже не потому, что единственная дочь, освободившись от «барыги», сможет найти тихое счастье с каким-нибудь симпатичным хирургом или неврологом. О, нет.

Отец будет счастлив возможности с видом абсолютного триумфатора поучать меня: «Ну вот, Оля! А я же говорил!».

– Всё в порядке, Лисёнок. Просто мама устала, – Влад поднимает руку, подзывая официанта. Его голос звучит до тошноты гладко. – Предлагаю по пути заехать в кондитерскую и набрать тебе конфет в честь праздника. Засиделись мы здесь.

Алиса с подозрением щурится и медленно опускается обратно на стул, прижимая к себе коробку с тирамису как спасательный круг.

– Всё в порядке, правда, дочь. Всё как всегда, – продолжает муж свой омерзительный спектакль, глядя мне прямо в глаза. – Славно посидели. Мама с папой любят друг друга и всегда будут вместе. Правда, милая?

У меня в груди поднимается обжигающее цунами. В висках начинает стучать от концентрированной, чистой ненависти.

Да как он смеет?!

Я же только что сказала ему, что не собираюсь это терпеть! А он сидит и, как ни в чем ни бывало, цементирует ложь, используя ребенка как раствор!

Подлый манипулятор!

Устраивает спектакль на глазах у дочери, рассчитывая, что я пощажу её чувства и не захочу закатывать сцену в публичном месте.

Медленно поддвигаю к себе стакан с газировкой. Обхватываю ледяное стекло дрожащими пальцами и смотрю, как пузырьки, отрываясь от дна, устремляются вверх.

– Имей совесть, Влад, – произношу очень тихо, стараясь удержать kloкочущую ярость внутри.

– Что? – кажется, Алиса и Влад произносят это слово одновременно.

Я перестаю гипнотизировать пузырьки газа и поднимаю взгляд на дочь. У неё глаза тусклые и обречённые.

– Прости меня, Алиса. – Голос дрожит, но я заставляю себя говорить.

– Оля, не надо! – Влад подается вперед.

– Алиса, мы с папой оба тебя очень любим... – в носу щиплет от непролитых слез. – Но в жизни иногда случается так, что...

– Нет! – умоляюще хнычет Алиса, сжимаясь на диванчике. – Пожалуйста, мам, не надо!

– Взрослые люди часто совершают ошибки, – я продолжаю твёрдо, потому что, если остановлюсь сейчас, я не смогу сказать это больше никогда. – Некоторые ошибки можно простить. Но есть вещи, которые простить невозможно.

– Оля, заткнись! – шипит Влад.

– Мы с твоим папой приняли решение, что нам лучше расстаться. Но это не значит...

– ПЕРЕСТАНЬ! – взвизгивает Алиса.

С грохотом отодвинув стул, она вскакивает на ноги. Коробка с десертом летит на пол, и ошметки крема белыми кляксами летят на паркет.

– Прекрати!

Она смотрит на меня и тяжело дышит, как затравленный дикий зверек.

Бодрый официант, спешивший к нашему столику с терминалом и кожаной папкой счета, увидев разворачивающуюся драму, вдруг притормаживает, разворачивается на сто восемьдесят градусов и тактично скрывается за колонной бара.

Тихая музыка из колонок кажется теперь оглушительной.

– Это я виноват! – Влад резко срывает салфетку с колен и швыряет её на стол. – Алиса, не кричи на маму. Это только моя вина.

Я смотрю на мужа со смешанным чувством безразличия и удивления. Какое неслыханное благородство от таракана, которого прижали к плинтусу тапком. Взял удар на себя, когда понял, что всё равно обречён.

– Я предал твою маму, – Влад смотрит на дочь. Тонкие губы сжаты в линию. – И она мне этого не простит. Видимо, никогда.

– Как? – шепчет Алиса. – Как ты её предал? Что... что вообще произошло? – Плечи у неё вздрагивают. – Чтоб вас всех?! Ненавижу!

Последние слова она выкрикивает так громко, что из-за соседнего столика на нас недружелюбно косится солидная пожилая пара.

Я молчу. Одно дело — сказать о разводе, другое — вывалить на подростка известие о брате от любовницы.

– Скажи ей, Влад, – тихо произношу я. – Удовлетвори любопытство. Раз уж ты такой смелый и честный. Или не решишься?

– У меня родился сын, – хрипло, как простуженный, выдавливают Влад, уставившись в пустую тарелку из-под пиццы. – Сегодня утром. И да, я кругом виноват. Я идиот. Но я этого не хотел. Я клянусь вам обоим... я не хотел этого ребенка.

Повисает пауза. Пара за соседним столиком склоняются друг к другу и перешептываются, видимо обсуждая особенности дурного воспитания в некоторых семьях.

– Это ложь... – Алиса делает шаг назад, мотая головой. – Это всё неправда! Вы меня разыгрываете!

– Это правда, дочь, – произношу я бесцветным голосом. Я чувствую себя так, будто меня выпотрошили. – Сегодня именно я помогла твоему брату появиться на свет.

Это контрольный выстрел. У Алисы начинается истерика.

Она закрывает лицо руками, и из её груди вырывается рыдание — громкое, уродливое, со всхлипами, от которых содрогаются плечи. Так воют от физической боли, когда ломаются кости. Только у Алисы сейчас ломается жизнь.

– Вы врете! – кричит она сквозь слезы. – У нас не может такого быть! Это у других разводятся! У нас нормальная семья!

Влад молча достает из бумажника банковскую карту. Лицо у него серое, скулы ходят ходуном. Он с размаху бросает кусок пластика на середину стола, прямо в лужу от пролитого лимонада.

– Ну что, добилаесь своего? – цедит сквозь зубы. – Довольна, Оля? Распилила нашу дочь пополам, чтобы свою правду доказать? Я выйду на улицу. Мне нужно воздухом подышать, пока я не задохнулся от твоей правильности.

Он резко разворачивается и тяжелым шагом идет к выходу, оставляя меня один на один с плачущей дочерью, перешептывающимся залом и размазанным по полу тирамису.

12. Решала

Делаю полшага назад и, не моргая, выдерживаю его тяжелый взгляд.

– Ути, какие мы грозные! – выше вскидываю подбородок. – А что случилось? У тебя родился наследник. Твоя, так сказать, женщина выходит из больницы. Я почти уверена, Снежана с удовольствием попрыгает у тебя на шее. И на других жизненно важных органах. Осторожно только, швы всё-таки...

– Заткнись, – Влад делает шаг в холл. Его пальцы сжимаются в кулаки так, что костяшки белеют. – Заткнись, я сказал!

Ничего себе. Вот это наглость. У меня просто глаза на лоб лезут от такого обращения. И я очень надеюсь, что сейчас дочь действительно сидит в наушниках и не слышит этого беспредела.

– Тебе нужно сбавить тон. И быть повежливее, – цедит он сквозь плотно сжатые зубы.

Вот это да! Кажется, мои брови от удивления сейчас улетят с лица.

– Ты ничего не перепутал? – решаюсь сказать ему прямо в лоб. – Это не я ребенка с какой-то идиоткой нагуляла. И ты вообще должен мне спасибо сказать! Если бы не моё дежурство, возможно, ты бы так и не познал во второй раз радость отцовства, а Снежана сейчас выбирала бы памятник!

– Я сказал тебе, заканчивай! Если хочешь обсудить своё геройство и моё блядство, можешь сделать это с психологом. Или подружками. Но меня избавь от своих подколов.

Смотрю на мужа и не верю своим глазам. Неужели это тот же самый человек, который тащил меня, смеющуюся и смущенную, в белом платье через литой мостик? Тот же самый, который шнуровал мне ботинки и мазал горчицей пончики во время моей беременности?

От его тяжелого взгляда хочется поёжиться. И там плещется не ненависть, нет! Ненависть – это слишком сильное, живое чувство. Такое же сильное, как и любовь, только с другой полярностью. А у Влада читается, скорее, холодное презрение. Словно я была прекрасной царевной, а тут взяла, и набросила на себя шершавую лягушачью кожу.

– Я готов к твоим истерикам и скандалам, при условии, что мы остаёмся семьей, – жестко чеканит он. – Но, кажется, этот вопрос ты для себя окончательно решила. А я не собираюсь стоять и бесконечно выслушивать от тебя упрёки. Я устал говорить о том, что совершил ошибку, и сделал всё возможное и невозможное, чтобы её исправить. Но, кажется, тебе всё равно... Тебе просто нравится упиваться своим превосходством.

От такой непробиваемой наглости я на секунду теряю дар речи. Легкие сжимаются, блокируя кислород. Мое превосходство?!

Я делаю резкий выпад вперед, сокращая дистанцию так, что мы едва не сталкиваемся грудью.

– Исправить ошибку? – мой голос срывается на змеиный шепот, потому что кричать нельзя — наверху Алиса. – Ты на полном серьезе называешь *это* исправлением? То, что ты перевел любовнице бабки и спал спокойно, пока она носила твоего ребенка? А потом, когда он родился ущербным, откупился еще раз, чтобы она растворилась в тумане? Это, по-твоему, «сделал всё возможное»?! Это феноменальная трусость, Влад! Ты просто трусливый кусок дерьма!

Влад дергается, словно от хлесткой пощечины. Его скулы вспыхивают нездоровым, темным румянцем гнева.

– Замолчи! – он резко, до синяков перехватывает мое запястье. Его пальцы впиваются в кожу, но я даже не пытаюсь вырваться. – Ты ни хрена не знаешь, как всё было! Я не давал денег на то, чтобы она родила и бросила его подыхать в больнице! Я дал ей денег на аборт!

На пятой гребаной неделе, когда там был просто тупой сгусток клеток! Это она меня поимела, ясно тебе?! Взяла бабки, купила себе тачку и решила доносить, чтобы доить меня до его совершеннолетия!

– Боже, какая потрясающая логика, – выдыхаю я, чувствуя, как к горлу подкатывает желчь. – Оказывается, ты у нас – жертва махинации. Ждешь, что я тебя пожалею? Поглажу по головке и скажу: «Ничего страшного, милый, бедненькому Вовочке не сделали обещанный аборт»?

Он с силой отбрасывает мою руку. Глаза его темнеют, вымораживая последние остатки былой близости. Из-под маски идеального семьянина на меня смотрит жесткий, беспринципный деляга.

– Я жду, что ты спустишься с небес на землю и перестанешь строить из себя святую праведницу, Оля, – обрубают он с ледяной насмешкой. – Да, я заплатил за клинику на пятой неделе. И знаешь что? Миллионы мужиков в моем кругу делают то же самое каждый день, чтобы сохранить свои нервы, свои активы и свой покой! И их жены об этом даже не догадываются, продолжая счастливо варить борщи!

– Как здорово, что я не из их числа, – чеканю я, отступая на шаг от этой грязи. – Я врач, Влад. И я каждый гребаный день вытаскиваю последствия твоих «решенных проблем» с того света.

Влад кривит губы.

– Жаль, – коротко бросает он. – Значит, нам действительно не о чем больше разговаривать на этом пороге. Я предлагал тебе всё забыть и жить дальше. Ты выбрала позу и принципы. Твое право. Наслаждайся своим одиноким героизмом.

Он резко разворачивается спиной, застегивая пуговицу на легком осеннем пальто точным движением.

И только когда его дорогой ботинок уже ступает на гравийную дорожку, я не выдерживаю.

– Думаю, ты и так это знаешь. Но я всё-таки тебе напомню... – ядовито бросаю я ему в спину.

Влад замирает на гравийной дорожке, не оборачиваясь. Напряженная спина под дорогим пальто каменеет.

– Твоя Снежана никуда не уедет. – Мои губы растягиваются в злой усмешке. – Ни в какой Израиль, ни в какую Германию с твоими отступными фантиками. Твоему ребенку, Влад, предстоит месяцы тяжелейшей реабилитации. Ещё несколько дорогих операций. И, скорее всего, инвалидность. А Снежана не дура, чтобы отказываться от такой роскошной кормушки. Больной ребёнок с подтвержденным богатым папашей — это же золотая жила! Она вцепится в тебя бульдожьей хваткой и будет доить ещё долгие годы. Ты не откупился от проблемы, Вовочка. Ты оформил на неё пожизненную ипотеку со скрытыми процентами. Удачи тебе, решала.

Я вижу, как мощно вздрагивают его плечи. Как он судорожно, со свистом втягивает холодный воздух.

Но Влад молчит. Спускается к блестящему внедорожнику, хлопает дверью с такой силой, что в доме жалобно звенят стекла. А затем срывается с места с агрессивной пробуксовкой, взметая гравий в вечернюю темноту.

13. Слишком больно обнимать

Меня буквально трясет после отъезда Влада. Он что, искренне ждал, что я по достоинству оценю его финансовые жертвы во имя семьи? А когда не прокатило, хлопнул дверью с видом незаслуженно оскорбленного праведника.

По пути на кухню я затравленно озираюсь по сторонам, как пойманный с поличным воришка.

Мне кажется, что Алиса могла слышать наш разговор из прихожей. При этом до одури боюсь, что после всей этой грязи дочь окончательно порвет с отцом, и в то же время... отчаянно, мстительно этого хочу.

Сейчас я бы с огромным облегчением, обливаясь слезами, хотела прокричать: «Теперь ты видишь, какой он мерзавец?! Он предал нас всех. Тебя, меня, даже свою тупую любовницу он предал! Такое не прощают!»

Но внутри снова дребезжит тревожный колокольчик, и перед внутренним взором встает перекошенное от ненависти лицо собственной матери. В который раз за эти непростые дни я с силой заталкиваю эгоистичные мысли на самое дно сознания.

— Мам...

Мое сердце сжимается в крошечную черную точку, когда я слышу за спиной тихий, абсолютно безжизненный голос Алисы. Интуиция жены у меня ни к чёрту, зато хоть материнская работает.

Замираю у столешницы, радуясь тому, что кухня освещается лишь узкой лентой подсветки под навесными шкафами, и дочь не видит моего напряженного лица. И уж тем более, слава богу, она не умеет читать мысли, которые сейчас меня обуревают.

— Алиска, ты же сказала, что пойдешь к себе музыку слушать.

— Не хочу...

Прохожу к столешнице и нажимаю кнопку чайника, чтобы он своим утробным шипением разогнал повисшую, тоскливую тишину.

— Чай с ромашкой будешь? — я едва поворачиваю голову, бросая короткий взгляд через плечо.

Да, я пытаюсь цепляться за иллюзию нормальности. Да, у нас всё как всегда...

Мы привычно попьём чай, съедим по эклеру, включим какую-нибудь тупую комедию. И бледный призрак моей матери с её страдальческими истериками меня больше не потревожит.

— Не хочу, — обрубает Алиса.

Внутри моментально закипает глухое раздражение. Я не успела до конца выплеснуть свой гнев на Влада, и теперь мне сложно сдерживаться.

Только сейчас я испытываю раздражение совершенно иного свойства. Во Владе меня заводило откровенное мужское хамство. А сейчас до зубовного скрежета бесит собственное бессилие.

Бесит то, что я не могу сейчас рывкнуть на дочь: «*Прекрати свои подростковые законы!*». И в то же время не могу погладить по голове и солгать: «Не волнуйся, милая, всё скоро уладится». Потому что это будет слюнявая ложь!

Я даже просто подойти и обнять её сейчас не могу. Я подсознательно чувствую, что Алиска вся расшиперилась колючим ежом. А мне самой слишком больно, чтобы мазохистски прижимать к груди чужие иголки. Более того, я почти уверена: если я её обниму, она психанет еще сильнее.

Как же просто и понятно работать с новорожденными. Там всё элементарно: они остро нуждаются в тебе каждую секунду, и ты для них — всемогущий бог, спасающий жизнь. Но

подросток с гормональной бурей, который сам не знает, чего хочет и кого ненавидит, — это изначально проигрышный противник для любого взрослого.

Мысленно даю себе зарок когда-нибудь пройти курсы повышения квалификации по детской психологии, а пока медленно выдыхаю и спрашиваю:

– Алиса, ты теперь всегда так разговаривать будешь?

Я искренне стараюсь, чтобы эта фраза прозвучала мягко, но всё равно выходит с подковыркой.

Дочь тут же напрягается.

– А что не так? Разве мы не должны теперь всегда разговаривать вот так? Злобно и через губу? Как вы с папой только что?

Устало потираю переносицу. Начинается...

14. Бунт

– Этот разговор был не для твоих ушей. И ты не должна упрекать меня в том, что...

– А в чём тебя упрекать?! – внезапно взрывается Алиса, делая шаг прямо в центр кухни.

– В том, что ты ведешь себя как стерва?!

Я медленно поворачиваюсь к дочери. Мне кажется, если бы не шум закипающего чайника, был бы слышен хруст моих шейных позвонков.

Да, я просто в шоке.

– Дочь, ты ничего не перепутала?

– А что?! – она вскидывает подбородок, по которому уже текут блестящие дорожки слез.

– Ты же над ним издевалась... Язвила про эти шарики, про выписку этой... Снежаны! Ты же просто била его по самому больному месту, мам! Ты радовалась тому, что ему плохо!

Струя пара из носика вскипевшего чайника с шипением бьет в кафельный фартук, но я даже не вздрагиваю.

– Ему плохо? – переспрашиваю я с обманчивым, ледяным спокойствием. – А мне, по-твоему, сейчас очень хорошо? Я злюсь. Имею полное право.

– Имеешь! – кричит дочь, ударяя кулачками по бокам. – Злись на него! Разводись с ним! Но зачем ты становишься такой же мерзкой?!

– Мерзкой? – только и могу выдохнуть в недоумении.

– Да! Никакого милосердия! – Алиску прорывает, слова летят с безостановочной скоростью, наполненные подростковым максимализмом. – Папа ошибся. Да, он накосячил, но он же хотел всё вернуть! А ты... Вы оба ведете себя отвратительно!

– Алиса, жизнь так не работает. Предательство не стирается ластиком только потому, что кто-то захотел всё вернуть на круги своя ради собственного комфорта.

– А как она работает?! – срывается на ультразвук Алиса. – Если любишь человека по-настоящему, то прощаешь! А ты просто уперлась в свои принципы! Ты не пытаешься ничего склеить! Ты просто стоишь такая вся из себя правильная, и смотришь, как наша семья превращается в пепел!

Я смотрю на её заплаканное лицо, искривленное обидой, и внутри меня что-то с глухим хрустом надламывается. Господи, мы с Владом сами её такой воспитали. Нашу единственную, обожаемую принцессу, которой всегда доставалось всё самое лучшее.

Именно в эту секунду я до боли жалею, что у меня только одна дочь. Мы сдували с неё пылинки, исполняли любые капризы, ограждали от трудностей, и вот логичный результат: Алиска выросла махровой эгоисткой.

Она топает ножкой и требует, чтобы всё немедленно стало «как раньше». Она не способна понять, что у взрослых проблем не бывает, как в её компьютерных играх кнопки «отмена» или «начать с места последнего сохранения».

Но сейчас, глядя в её родные злые глаза, я понимаю, что не смогу её защитить от крушения мира. И, возможно, в тот далекий год моя мать, рыдая неделями у меня на плече и заставляя меня взрослеть, поступила куда честнее. Она хотя бы не пыталась завернуть осколки разбитой семьи в красивую подарочную бумагу.

И у меня на эту ложь просто больше нет ни сил, ни желания. И на правду тоже.

Я не знаю, что делать. Я теряюсь, как девчонка, перед этим упрямым, максималистским бунтом.

Поэтому я делаю единственное, на что у меня сейчас хватает сил — два быстрых шага вперед, преодолевая её выставленные колючки, и просто сгребая дочь в охапку. И крепко прижимаю её к себе...

15. Токсичная пациентка

– Вот здесь подпишите, – деловито вожу ногтем по бумаге, очеркивая нужное место. – И еще вот здесь...

– А это что еще такое? – брезгливо цедит сквозь зубы Снежана, шурясь.

– Информированное согласие на проведение реанимационных мероприятий. Надеюсь, они не понадобятся, но в экстренной ситуации мне совершенно не хотелось бы искать вас по всему городу.

Снежана хмурится, недовольно поджимает губы, но ставит размашистую, похожую на легкомысленное облачко подпись.

Выглядит любовница Влада на удивление неплохо для женщины, три дня назад перенесшей экстренное кесарево.

Волосы собраны в хвост, губы покрыты слоем влажного блеска, а жесткий послеоперационный бандаж делает её фигуру почти девичьей. Бог его знает, откуда она уже успела раздобыть приличный пудровый велюровый костюм и белые кроссовки вместо того ободранного пеньюара. Возможно, подкупила кого-то из молоденьких медсестер сбегать в ТЦ. А может, курьер привез или родственники.

Мне это не интересно. Мне куда больше интересно другое...

На выписку матери своего наследника Влад, конечно же, не явился.

Я не должна была сегодня дежурить. Заранее поменялась сменами, чтобы избежать этого унижения. Но утром Алла Сергеевна, пожилая врач-неонатолог, умудрилась въехать на своей малолитражке в мусоровоз. И пока она оформляет царапину на бампере, мне приходится посыпать солью свои еще кровоточащие раны.

Как дежурный врач, я обязана закрыть бюрократические процедуры по ребенку, пока взрослое отделение оформляет выписку любовнице моего мужа.

– Вот здесь нужно оставить контактные данные кого-то из близких родственников на случай, если мы не сможем до вас дозвониться, – я продолжаю чеканить слова сквозь зубы, методично подталкивая к ней очередной бланк.

– У тебя есть контакты его отца. Этого более чем достаточно, – дерзко отвечает Снежана, взмахивая длинными красными ногтями, и листочек скользит ко мне по поверхности стола.

Я медленно втягиваю носом воздух, призывая на помощь всю свою выдержку.

Ну почему Алла Сергеевна именно сегодня решила подрезать мусоровоз! Мало мне проблем в жизни?

Конечно, хоть Снежана и производит впечатление инфантильной дурочки, но то, что перед ней стоит законная жена её спонсора, она прекрасно знает. Явно Влад успел ей сообщить, или кто-то из нашего словоохотливого персонала шепнул в коридоре.

Плевать. Мне это абсолютно не важно. Мой почти бывший муж — теперь чужой мне человек. Устраивать дешевые базарные разборки с его подстилкой я не собираюсь.

Годы работы в реанимации научили меня, что подчеркнутая, ледяная вежливость и глухой официоз — это самая эффективная тактика борьбы со скандальными пациентами.

Только в этот раз у меня особо токсичный случай.

– Снежана Геннадьевна, пока отец ребенка не вписан в свидетельство о рождении, – мой голос звучит ровно и безжизненно, как механический автоответчик. – Вы — единственный официальный представитель своего сына. Заполняйте форму.

Она раздраженно вырывает ручку из моих пальцев, чиркает на листе явно выдуманные цифры.

– Сейчас не вписан, но будет вписан, – нарочито громко бубнит, ожидая, что меня это разозлит.

Только я всё также равнодушно возвышаюсь над ней холодным белым айсбергом.

– Когда его переведут в нормальную палату? – Она отбрасывает ручку и, скрестив руки на груди, бросает на меня едкий взгляд. – В платную, разумеется. Влад сказал, что всё оплатит.

Делаю вид, что меня нисколько не царапает то, как Снежана нагло и собственнически произносит имя моего мужа.

– Пока он побудет здесь, в отделении интенсивной терапии, в кювезе. Состояние после пластики омфалоцеле стабильно тяжелое. Как только он научится дышать и усваивать питание без аппаратов, его переведут в патологию новорожденных детской больницы. Не раньше, чем через две недели.

– Господи, какой кошмар, – она театрально закатывает глаза. – Посмотреть-то на него хоть можно?

Мне хочется подобрать ручку и воткнуть её в сонную артерию, там, где мелко бьется жилка на её изящной белой шее. «Посмотреть-то хоть...»

До сих пор она не демонстрировала взрыва материнских инстинктов. А сейчас решила прогуляться.

Хочет продемонстрировать, что теперь она главная женщина в жизни Влада? Или просто хочет покуражиться? Ищет повод придрататься ко мне?

Не на ту напала!

Мысленно пожелав ей провалиться в преисподнюю к другим потаскухам и получить фурункул на носу, я всё же сухо киваю и, подхватив стопку бланков, шагаю к выходу. Снежана, протяжно постанывая, тащится за мной.

В ПИТе полумрак. Тишину нарушает только писк мониторов и мерное, ритмичное пыхтение аппарата ИВЛ.

Я подвожу её ко второму кювезу от окна, где опутанный проводами датчиков, с заклеенным пластырями животом и зондом в крошечном носике, лежит её сын. Синевато-желтый, неподвижный, больше похожий на сломанную куклу, чем на живого человека.

Снежана замирает на расстоянии полуметра. Глаза расширяются от брезгливого ужаса, наращённые ресницы испуганно взмахивают, как крылья. И замирают, отбрасывая тень на щеки.

Она его ещё не видела? Не видела своего ребёнка? Не может быть!

Сейчас, когда Снежана смотрит на сына, мне становится видно то, что она, храбрясь и бравируя, скрывала от меня в палате.

Я вижу и заострившиеся скулы, и прикушенную в отчаянии губу, и восковую бледность высокого лба. Видно, что ей было больно, и страшно. Непросто дались ей эти три дня.

Снежана вдруг судорожно сглатывает и, обхватывая себя за плечи, делает шаг назад. И мне становится ясно, что её изможденный вид – только следствие перенесённой физической боли и переживания исключительно по поводу своей персоны.

Никакого желания прикоснуться к прозрачному пластику инкубатора. Я видела разных матерей: рыдающих, отчаявшихся, молящихся. Но такого пронзительного, физического отторжения собственного ребенка не видела ещё никогда.

– Боже..., – шепчет она. – Почему он весь в синяках? Вы точно нормальные врачи? Влад же вам платит!

Я пропускаю мимо ушей очередное неуместное упоминание своего бывшего мужа.

– Это последствия гипоксии и тяжелого хирургического вмешательства, – ровно чеканю я, подавляя желание выставить её за дверь пинками. – Если бы вы встали на учет вовремя и не скрывали патологию плода, многих проблем можно было бы избежать.

Снежана мгновенно вспыхивает и поворачивает ко мне лицо, на котором ещё лежит печать отвращения.

– Ой, только не надо читать мне морали, святая доктор Власова! – шипит она, кривя губы.

16. Первобытный рефлекс

– Ты думаешь, ты лучше меня, потому что носишь этот белый халат и кольцо на пальце? Пока еще носишь...

– Меня не интересует мнение моего мужа о моей святости, – делаю шаг в её сторону, жестко вытесняя из реанимации в коридор, подальше от аппаратуры. – На выход, Снежана Геннадьевна. Время посещений окончено. Оставьте свои злобные выпады для Влада.

Мы выходим в пустой коридор ординаторской. Двери ПИТа с легким шипением закрываются, отсекая нас от писка мониторов.

Снежана срывает с себя стерильный халат и со злостью швыряет его мимо бака.

– Да ты вообще радоваться должна! – она вдруг истерично смеется, и в этом звуке столько неприкрытой, кислотной зависти, что ею можно разъесть больничный кафель.

Я останавливаюсь.

– Чему радоваться? Тому, что мой муж спал с тобой?

– Тому, как тебе охренительно повезло в жизни! – выплевывает Снежана, сжимая кулаки так, что её длинные красные ногти впиваются в ладони. – Ты заарканила мужика, когда он только поднимался! Выжала из его лучших лет максимум. А теперь что? Подашь на развод и будешь жить припеваючи! У тебя половина его бизнеса, шикарный дом и гигантские алименты на здоровую, уже взрослую дочь! И заметь, здоровую дочь!

Она тяжело дышит, глядя на меня с ненавистью.

– Ты сейчас абсолютно свободная баба при больших деньгах! – продолжает она с над-рывом. – Вышвырнешь Влада, хоть завтра выскочишь за нового мужика, и у тебя всё будет в шоколаде! А я...

Она осекается, бросая затравленный взгляд на закрытые двери реанимации, за которыми лежит её сын.

– А ты получила ребенка, и мужика, который готов засыпать тебя бабками, лишь бы ты не отсвечивала.

Зло парирую, сама не замечая, как катится в тартарары моё намерение быть с ней сдержанной и по-деловому холодной.

– Если правильно распорядишься инвестициями, тоже в накладе не останешься. – продолжаю едко. – Всё нормально с твоим мальчишкой будет. Немного терпения, заботы и...

– Заботы? – Снежана с вызовом вздёргивает точеный подбородок. – Это тебе легко, у тебя дочь уже взрослая. А мне как теперь... Памперсы ему менять?

– Представляешь, да, – мой голос падает до презрительного, ледяного шепота. – И памперсы, и на процедуры возить. Детка, ты легла под женатого мужика в надежде украсть чужую готовую жизнь. Залетела, чтобы привязать мужика намертво и сорвать джекпот. А теперь стоишь в коридоре больницы, брезгуешь собственным больным ребенком и завидуешь моему разводу?

– Да, завидую! – дерзко бросает она. – Потому что он со своей драгоценной дочерью носитя как с писаной торбой, а моего отбраковал!

– Нестоит расстраиваться, – сухо замечаю. – И твой бизнес-план отлично сработал, Снежана Геннадьевна. Только, как в любом деле нужно немного поработать, чтобы получить дивиденды...

– Заткнись! – она вспыхивает. Остатки испуганной девочки слетают окончательно, обнажая загнанную в угол стерву. – Я не готова выслушивать советы от тебя! Влад говорил, что ты помешана на работе, что от тебя не дождешься тепла! Что ты даже свою собственную дочь забросила ради чужих выроdkов!

Мои пальцы мертвой хваткой впиваются в край пластиковой стойки поста.

– Закрой рот, – мой голос звучит так тихо и угрожающе, что нормальный человек бы отступил.

– А то что?! – Снежана вскидывает голову, упиваясь своей безнаказанностью. Её глаза горят ядовитым триумфом. – Что ты мне сделаешь, доктор? Твоя дочь тебя наверняка ненавидит за то, что ты сейчас лишаешь её идеального папочки! Вы обе...

Я не успеваю даже подумать. Моя рука взлетает сама, подчиняясь не разуму, а чистым, первобытным, звериным рефлексам матери, защищающей своего ребенка.

Звук пощечины получается оглушительно звонким в пустом коридоре.

Голова Снежаны резко дергается в сторону. Она коротко ахает, судорожно хватаясь за лицо, и её глаза округляются от неподдельного шока. На фарфоровой щеке мгновенно проступают красные следы моих пальцев.

– Ольга Александровна, как хорошо, что я вас поймала...

Я с трудом поворачиваю голову в сторону приоткрытой двери манипуляционной. На пороге, испуганно моргая, стоит старшая медсестра Нина Ивановна. Она смотрит на тяжело дышащую Снежану, прижимающую ладонь к пылающей щеке, а затем переводит взгляд на меня.

– Вас там внизу спрашивают... – на автомате продолжает медсестра. Но металлический лоток в её руках опасно кренится, и блестящие инструменты с оглушительным грохотом сыплются на линолеум.

– Вы видели да? – верещит Снежана, указывая на меня пальцем. – Вы видели, что она сделала?

17. Цена выдержки

– Вы видели?! – Снежана лихорадочно шарит взглядом по стенам. – Может, здесь камеры есть? Что ваш главврач скажет на такое поведение своей сотрудницы, а?!

Нина Ивановна, опытная женщина, повидавшая за тридцать лет в роддоме абсолютно всё: от драк в приемном покое до обмороков суровых отцов, мгновенно понимает расстановку сил.

Она поджигает тонкие губы. Недовольно охнув, садится на корточки и, нагнувшись, собирает инструменты.

– Вот ведь, руки дырявые, не удержала, – ворчит она, делая вид, что ничего не произошло и наглухо игнорируя истерику Снежаны. – Ольга Александровна, – поднимает на меня глаза, в которых уже пляшут тревожные искры любопытства. – Там внизу, в холле отделения, вас ожидает мужчина. Очень просил позвать...

Я с трудом отрываю взгляд от лица любовницы мужа. Мои пальцы, которыми я только что ударила её наотмашь, мелко дрожат от всплеска зашкаливающего адреналина.

Смотрю в её злое, перекошенное лицо и вдруг кристально ясно понимаю, почему она так злится.

Влад не приехал. Он бросил её здесь с больным младенцем и пачкой денег на откуп. Она чувствует себя грязной, использованной пустышкой. И чтобы не задохнуться от собственного ничтожества, ей жизненно необходимо втоптать в грязь меня. Доказать самой себе, что законная жена, еще хуже.

Спрятав подрагивающую руку в глубокий карман белого халата, я коротко киваю медсестре:

– Спасибо, Нина Ивановна. Я сейчас спущусь. Передайте... передайте, что я иду.

Медсестра, глухо причитая, поднимается и тяжело топает к манипуляционной.

Когда она исчезает за дверями, Снежана медленно отнимает руку от лица. На коже пылает отчетливый, пунцовый отпечаток моих пальцев.

Я жду продолжения. Жду криков о вызове полиции, угроз судами и жалобами в Минздрав.

Но она почему-то больше не кричит. Она смотрит на меня странным, темным взглядом, в котором сквозит ядовитая ухмылка.

– Влад обещал прислать своего помощника, чтобы забрать меня, – высокомерно цедит она сквозь зубы. – Видимо, это он. Как мило с его стороны организовать мне охрану от неуравновешенных бывших жен.

С огромным трудом удерживаюсь от того, чтобы не заявить ей очевидное: вряд ли помощник Влада попросил бы позвать *меня*, приехав за *ней*. Очередной беззубый укус Снежаны, который лишь маскирует её панику.

Внутри, после адреналинового шторма, вдруг становится гулко и пусто, словно в выгоревшем дотла здании. Плевать на неё. Я не хочу тратить на эту женщину больше ни единого слова.

– Готовьтесь к выписке, Снежана Геннадьевна, – бросаю я с ледяным равнодушием.

Разворачиваюсь на каблуках и молча иду к лифту. И каждым сантиметром кожи чувствую, как между лопаток, словно красный лазерный прицел снайпера, жжет её полный жгучей ненависти взгляд.

Мне невероятно тяжело держать спину прямо.

Во-первых, я только что нарушила все возможные правила врачебной этики, ударив пациентку в отделении. Сплетни об этой пощечине поползут по клинике со скоростью степного

пожара. Моя безупречная, годами выстраиваемая репутация хладнокровного профессионала только что треснула по швам из-за одной секунды первобытной ярости.

А во-вторых... меня безнадежно, до сердечного спазма задевают её слова о том, что за ней всё-таки должны приехать. Поэтому она и выглядит так скромно и бледно, понимает, что Владу донесут все подробности.

Влад вчера на крыльце клялся, что эта женщина — пустое место. Уверял, что откупился и забыл. Но его слова оказались дешевой подделкой. Он не забыл. Он о ней заботится. Он присылает за ней своего цепного пса, чтобы обеспечить максимальный комфорт и защиту при выходе из роддома. Он продолжает с ней контактировать и решать её проблемы в ручном режиме.

И это понимание горчит желчью на корне языка.

А в-третьих, я почти со стопроцентной уверенностью знаю, кого именно сейчас увижу внизу.

Двери лифта с тихим шипением разъезжаются на первом этаже.

Я делаю глубокий, ровный вдох, натягивая на лицо привычную непроницаемую маску непроницаемого доктора Власовой.

Шагаю в светлый холл к стойке охраны, готовясь встретить сытого, холеного адвоката моего мужа и сказать ему пару ласковых.

Я не сомневаюсь, что это он!

18. Фрайер

Влад

Наугад выбираю радиостанцию, пока выслушиваю по телефону бодрый отчет начальника юротдела, и своего давнего друга Кости.

– ...Всё готово, Влад. Трансфер бизнес-класса будет у входа в роддом через час. Договор о неразглашении и отказе от претензий я вылизал так, что комар носа не подточит. – Тарахтит он жизнерадостно. – Эта кукла подпишет всё, как миленькая, получит свой транш и исчезнет. Тебе больше не о чем беспокоиться, брат. Вопрос закрыт.

Звуки шансона, который сейчас льется из колонок, вообще не коррелирует с докладом. Но я намеренно не выключаю радио, и даже делаю погромче. Не хочу вслушиваться в слова Кости.

Я знаю, что он и так все сделает.

– Хорошо, забирай её и вези... – глухо отвечаю под цокот поворотников. Я уже заезжаю на парковку к своему офису. – Куда ты там её должен отвезти. Мне пофиг.

Выворачиваю руль, пытаюсь аккуратно припарковаться на свое место. Бля, наставили тачек криво, не влезть.

Костя каким-то образом улавливает моё раздражение, но не улавливает его причину.

– Влад, ты не загоняйся, – покровительственно мне советует. – Ну спалился, бывает. Любовница, что такого? Ну ребенок на стороне...

Еще месяц назад, если бы мне кто-то из знакомых рассказал о таком случае, я бы тоже отреагировал примерно также.

Что такого...

Но почему-то мне хочется сейчас дать в рожу Косте. Забавно.

Парктроник пищит, напоминая, что я в опасной близости от чужого бампера.

Епт, этот белый седан слепой осел парковал чтоли? Расшиперился так, что я встать не могу!

Снова сдаю вперед и выпрямляю колеса. Парктроник затихает.

– Если б все бабы из-за интрижек так рубили сплеча, я бы уже особняк на Рублевке купил чисто на процентах с бракоразводных, – жизнерадостно сообщает юрист, пока я опять пытаюсь заехать на свое место, вращая головой, как полярная сова. На камеру я никогда не смотрю, не доверяю я этим современным штучкам. Смотрю по зеркалам. – Слушай, может тебе купить Ольге брюлики или ключи от нового «Порше» подогнать? Ну а что, куда она не денется.

Продолжает поднимать мне настроение Костя.

Я резко бью по тормозам, машина клюет носом.

– Заткнись, Костя, – мой голос падает до угрожающего рыка, заглушая веселенькую песню про фрайера, который сдал назад. – Просто закрой свой рот!

Я жалею, что ушел. Жалею о том, что вел себя с Олей грубо. Как-то всё вообще не так происходит.

Вчера, стоя на пороге собственного дома, я вдруг с ужасом понял: передо мной не та смешливая девчонка, которой я делал предложение на мосту. И не моя понимающая жена. Передо мной стояла чужая, ледяная, уничтожающая меня женщина. И довел её до этого состояния я сам.

В динамике повисает озадаченная тишина.

– Влад, ты чего? – напоминает о себе юрист. – Как бы я не хотел твою бабу обидеть, прости.

Вот, даже Костян способен извиняться, а я почему-то нет.

– Она не баба! – цежу, снова врубая передачу. – Она мне этот твой «Порше» в глотку запихнет и не поморщится.

– Принципиальная. – одобряюще хмыкает Костя.

Да, ещё какая. Именно за это я её и выбрал. На удобную мямлю, которая с восторгом заглядывала бы мне в рот за шмотки и тачки, я бы не запал никогда. Оля всегда была со стерженьем, волевая, сильная. Мы были партнерами. И да, я чертовски гордился своей женой.

– Тогда какого хрена ты вообще к этой Снежане полез?! – не унимается Костя. – Знал же, что не простит!

В зеркале заднего вида вспыхивает дальний свет. Заехавший в проезд черный тонированный джип агрессивно мигает мне фарами, требуя уступить дорогу.

Да блядь! Чего я паркуюсь, как подснежник на «Оке»?

Раздражённо тру бровь костяшкой пальца и снова выкручиваю руль. Сзади тут же раздается нетерпеливый, протяжный сигнал клаксона.

Псих какой-то. Подождать десять секунд корона спадет? Вскипая, приоткрываю окно и показываю средний палец.

Да, я знал, что Оля не простит. Знал!

Хотя мне был бы по душе сценарий, где Оля подалась на мои уговоры, и сделала бы вид, что ничего не произошло. Только к чему бы это привело? Я бы ее уважать перестал. Не сразу, наверное...

- У мужиков такое бывает... – философствует голос в трубке. – Иногда башню сносит...

Я нажимаю на газ, пытаюсь всё-таки впихнуть свою махину на место между столбом и стоящим рядом белым седаном. В уши снова врывается мерзкий, пронзительный писк парктроника.

Гребаная электронная балалайка! Насрать, эти пищалки всегда истерят заранее, когда там еще метр пространства.

Я на этом месте паркуюсь уже лет пять. Да я вообще права еще в армии получил, когда камер отродясь не было.

– Вообще при высоком тестостероне адреналина не хватает, только бабы разве поймут...

Костя самодовольно ржет в трубке. А я стискиваю челюсти так, что скрипят зубы.

Адреналина? Если бы.

А у меня перед глазами вспыхивают воспоминания прошлой осени. Адский, выжигающий нервы месяц. Переговоры с инвесторами, от которых зависело будущее компании. Конкуренты дышали в затылок. Я спал по три часа в сутки. В тот вечер, после подписания контракта, мне хотелось только одного — уткнуться лицом в Олины волосы и просто отключиться.

Но я знал, что дома пусто и тихо. Алиска у бабушки, Оля – на очередном дежурстве в своей грёбаной реанимации.

И я позволил себе остаться с партнерами. Отметить...

Я пил элитный виски как воду, пытаюсь заглушить звон в ушах от перенапряжения. Снежанна крутилась там же — типичная эскортница в поиске спонсора. Она просто грамотно оказалась рядом, когда я уже не стоял на ногах. Подливала, улыбалась, слушала.

Я даже не помню, как мы оказались в номере. Не помню процесса. Только физиологический, скотский сброс напряжения. А утром я проснулся с чугунной головой и ощущением такой липкой, зловонной грязи, что хотелось содрать с себя кожу.

Я перевел ей бабки и стер её номер. А потом она прислала мне фото теста на беременность.

– Только предохраняться нужно, конечно, – поучает меня Костя. – Мало того, что эта кукла залетела, мог ведь еще и заразу подцепить... Аккуратнее нужно.

Тяжелый хлопок двери сзади приводит меня в чувство.

Из черного джипа, перегородившего выезд, вываливается здоровенный, бритый мужик. Нервно сплевывает на асфальт и, угрожающе переваливаясь с ноги на ногу, направляется прямо к моей машине.

Да твою же мать! Чего ему надо?

– Костя, не делай мне мозги, – бросаю я в трубку.

– Чего?

– Твоя забота – всё организовать. Не надо мне советы раздавать.

– Так, Влад, я и не... Я поддержать, чисто по-братски...

По боковому стеклу грубо стучит согнутый толстый палец. Я чуть опускаю стекло, впуская в салон сырой воздух и запах выхлопных газов.

– Слышь, командир, – здоровяк делает странное, бычье движение бычьей шеей, будто разминая защемление. – Эта... Проехать-то дай!

– Видишь, по телефону говорю! – тычу ему в рожу зажатой в руке трубкой, игнорируя громкую связь. – У тебя че, понос? Подождать минуту не судьба?

– Не понял... – бык хмурится, нависая над окном.

– А ты понимай!

– Влад, я как бы ничего и не хотел, – сипит трубка Костиным голосом на фоне. – Я сейчас машину за твоей кралей отправлю. Ну хочешь, сам её заберу...

– А ну выходи из тачки, поговорим! – рычит здоровяк, наваливаясь на дверь.

– Пошел нахер, урод! – ору в ответ.

– Ты сейчас договоришься, трусливый кусок дерьма!

Толстяк со всей дури дергает ручку моей заблокированной двери.

Меня словно бьет током. В ушах вдруг эхом всплывают слова Оли, сказанные мне вчера на крыльце нашим красивым домом. Те же самые слова, сказанные с ледяным презрением.

«Ты просто трусливый кусок дерьма!».

– Ты, блин, выйди, и решай всё как мужик! – толстяк снаружи орет и беснуется так, что ручке долго не прожить. – Чего заперся там и прикрываешься телефоном своим, ушлепок?!

Я совершенно отупев смотрю на приборную панель. Сердце суматошно колотится где-то в кадыке, перекрывая кислород.

Парктроник орет так, что у меня сейчас взорвется мозг.

Голос орущего мужика смешивается с голосом Кости из динамиков.

– ...оформлю все доки, Влад, не дрейфь...

– Я тебе сейчас права пропишу! – орет водитель джипа, колотя кулаком по стеклу. – Прямым в голову! Выходи, сука!

«Что ж ты ффраер сдал назад»— издевательски, уже пятый раз по кругу повторяется незатейливый припев по радио.

Сдал назад. Спрятался. Заперся. Прикрылся адвокатами, деньгами, тонированным стеклом. Откупился от проблемы.

– Костя, – резко, обрубая все звуки в своей голове, произношу я в притихшую трубку. – Не забирай эту дуру.

– Чего? Влад, я не...

– Отбой.

Я одновременно до упора вдавливаю педаль газа и отрубая звонок. Толстяк, услышав рев мотора, с матом отдергивает руки от двери.

Триста лошадиных сил срывают двухтонную машину с места. Мой задний бампер со всей дури лупит по ни в чем не повинному припаркованному белому седану. Раздается хруст пластика, взывает чужая сигнализация, но я даже не поворачиваю голову.

Я резко, со скрежетом коробки, переключаю передачу. Выворачиваю руль и проезжаю в миллиметре от бугая, который с отборным матом едва успевает отскочить от капота.

Его джип перегораживает половину выезда, но я рву вперед, не снижая скорости.

Тяжелый кузов моего внедорожника со скрежетом протискивается между джипом и будкой со шлагбаумом. Резкий металлический удар — и я равнодушно сношу зеркала нам обоим.

– Ебать! – истошно орет здоровяк мне вслед, размахивая руками. – Я найду тебя, урод!

Насрать. Вообще насрать на всё.

Вырулив на проспект, я давлю педаль газа в пол. Мое отвалившееся боковое зеркало жалко висит на пучке проводов, мерзко постукивая о мягкое крыло машины.

Я нажимаю кнопку электростеклоподъемника, наглухо закрывая окно, чтобы больше ничего не слышать, и мчусь в сторону перинатального центра.

19. Пешка

Тяжело дыша от ярости, Снежана придерживала у пылающей щеки влажное полотенце. Второй рукой она остервенело запихивала в спортивную сумку стайлер для волос.

Она этого так не оставит! Она ещё покажет этой врачихе!

На неё никто не поднимал руку. Во всяком случае, вот так. От отчима, бывало, прилетало в детстве. Но это было давно, и она дала себе зарок никогда не возвращаться в прошлое, где любое ничтожество её могло обидеть и растоптать. Она ещё не придумала, как отомстить гадкой Вяткиной, но ничего...

Папик умный, он всё устроит!

Проклятый стайлер никак не хотел укладываться в сумку, его провода торчали и мешали закрыть замок. И эта мышинная возня никак её настроение не улучшала.

После того как Снежана позвонила Владу, и передала через дежурную медсестру ключи от съемной квартиры, курьер привез ей из дома кучу барахла. Бесплезного барахла. А вот косметичку Влад или его люди не догадались взять. Теперь ей приходилось ходить по палате бледной молью.

Всё в этой больнице унизительно. Унизительно до спазма в горле.

Нет, дети не для неё. Она больше не будет никогда рожать!

Она перевернула полотенце, прижимая его к лицу прохладной стороной. Ничего. Она его жёнушке ещё устроит. Попляшет у неё эта тупая мажорка.

Впрочем, Снежана тут же поняла, что несправедлива к жене Влада. Не такая уж она и тупая. в деловой хватке врачихе Власовой было не отказать: она сразу сообразила, что муж денег на больного ребёнка даст. И теперь Снежане придется бороться за эти деньги самостоятельно. Одной.

Как-то тащить этого ребёнка, потому что без него ничего не получится.

А помочь ей пока некому. Папик, выслушав её сбивчивый доклад и вялую просьбу найти няню, отрезал коротко и сухо: «Дальше выплывай как хочешь. Сама, милая, сама...»

– Ты эта... Не смогла бы, когда на воле будешь, купить мне подгузники «нулёвочку»? – бесячая соседка по палате, Киреева, заворочалась на кровати, мерзко чавкая печеньем.

– Выйдешь – купишь, – бросила ей Снежана через плечо.

Соседка разочарованно охнула:

– Мне ещё долго здесь валяться, это ты вон, коза молодая. Ау меня что-то с гемоглобином. Как раз с ребёнком нас вместе и выпишут.

Снежана с резким хрустом, наконец, закрыла молнию на сумке. Меньше всего на свете её интересовал чужой гемоглобин.

– Ну так что, купишь? Я тебе деньги переведу, потом на пост закинь и всё.

– Ладно, – процедила Снежана сквозь зубы. – По номеру переведи. Я здесь запишу...

Подхватив на столе ручку, она нацарапала на бланке назначений свой телефон. Деньги лишними не бывают, особенно сейчас.

Пока она писала, Киреева, окончательно почувствовав в ней подругу-соратницу, подалась вперёд:

– А скажи, как мужика богатого подцепить? Вот лучше не женатого, как у тебя. А просто богатого.

Снежана положила ручку на стол и медленно скользнула по соседке презрительным взглядом.

– У тебя не выйдет. Не пытайся даже.

– Да я так... Просто интересно.

Угу, ну конечно. «Для подруги спросить». Все клуши хотят подцепить богатого мужика, но не у всех есть для этого исходные данные. А если профиль и фасад позволяют, то тут тоже нужна железная хватка.

– Вот хотя бы познакомиться с ними где, а? – продолжала нудить Киреева, глядя на неё коровьими глазами.

– Ты там не бываешь.

С папиком она познакомилась в элитном фитнес-центре. Взяла годовой абонемент в кредит и ходила туда, как на работу, пока не приметила нужную цель – ухоженного мужика, при больших деньгах.

Она незаметно стала маячить рядом: то жим с прогнутой поясницей сделает в зоне его видимости, то, отбросив волосы на плечо, попросит помочь отрегулировать сиденье тренажёра. Как-то так и закрутилось...

Но Киреевой разве объяснишь все эти тонкие тактические ходы? Она и в спортзале ни разу не была. Это по её рыхлым бедрам отчетливо видно. С женской харизмой нужно родиться, а у Киреевой весь потенциал ушел в борщи, плюшки и пелёнки.

– А с щекой у тебя что? – Киреева напряженно всматривалась в её лицо.

Снежане вдруг захотелось ударить эту простушку. Ну что за идиотка?

– Ничего. Обожглась.

Снежана отвернулась. Она ни за что не призналась бы, что Власова треснула её по лицу прямо в коридоре. Соседка уже была в курсе их сложных «почти родственных» связей и явно её симпатии на стороне гадкой врачихи.

– Обожглась? – Киреева округлила глаза. – Это где это тут можно...

– Слушай, отдыхай, а? – рявкнула Снежана.

В этот момент её взгляд упал на тумбочку соседки, поверх которой лежали массивные черные солнцезащитные очки. То, что нужно. Идти через весь первый этаж больницы с красным клеймом от руки законной жены было бы невыносимым позором.

Снежана решительно шагнула к чужой тумбочке и бесцеремонно сгребла очки.

– Насчет подгузников. Деньги можешь не переводить, я забираю это. Считай, бартер.

– Эй, ну ты чего?! – возмутилась Киреева приподнимаясь на локтях. – Это я маму попросила на выписку привезти, чтобы я не накрашенная на фотках не светилась!

– Памперсы, дорогуша, сейчас стоят дороже. Так что скажешь спасибо, – отрезала Снежана и, не слушая возражений, тут же нацепила очки на нос.

Дешевый пластик хоть немного прикрыл пунцовую, горящую щеку.

Подхватив свою сумку, она бросила через плечо:

– В общем, быстрого тебе выздоровления, малыцу привет. Надеюсь, больше не увидимся.

– Чего малыцу-то? – соседка ошарашенно захлопала ресницами, забыв про очки. – У меня дочка, Настенькой решила назвать.

– Поздравляю.

– А ты как своего назовешь?

– Дормидонтом, ясно?

Киреева ошарашенно захлопала глазами, а Снежана просто вышла из палаты, с наслаждением хлопнув тяжелой дверью.

Её раздражали бедные люди. До дрожи в руках и тошноты отвращения. Стоило только вспомнить застиранный драный халат матери или плотный перегар отчима, как тело била нервная судорога. А какой в их бараке стоял аромат вареной капусты, плесени и старых носок... М...

Снежана ненавидела всё, что связано с бедностью. Плохие зубы, отсутствие маникюра, рыхлые тела. В общем, Киреева в её представлении была воплощением того, чего она всеми

силами желала избегать. И, если бы папик не отказался помочь ей с отдельной палатой, то она бы не страдала три дня от присутствия этой тетки. Зачем такие, как Киреева, вообще плодятся?

Идти со свежим швом было больно. Чертыхнувшись на главврача, который из-за каких-то странных уверований в то, что препараты попадают в кровь кормящих мамочек, отказывал всем в обезболивающих, она поставила сумку на пол. С трудом разогнула ноющую поясницу и в последний раз оглянулась на дверь палаты.

Нет, она точно не будет такой, как Киреева! Никогда!

И пока всё развивается неплохо. Не без сбоев, конечно. Но она готова потерпеть мерзкую соседку, какие-то реабилитации и даже научиться пеленать, если нужно. Главное, впереди её ждёт блестящее будущее. Она к нему обязательно придёт.

Ведь ей повезло. Изначально она думала, что на Владе срубят средний гонорар – делов-то: совратить, приложить палец спящего мужика к сенсору смартфона да сделать пару десятков скринов с экрана. Работа непыльная, и быстрых денег стоила.

Но судьба подкинула игру вдолгую, и этот шанс Снежана не упустит.

– Всё нормально будет, – беззвучно прошептала она себе, волоча сумку по пустому, гулкому коридору к лифту. – Я больше никогда не буду бедствовать.

Выйдя из кабины пассажирского лифта на первом этаже, Снежана вдруг резко остановилась.

Она даже чуть приспустила с носа солнцезащитные очки, чтобы получше разглядеть открывшуюся перед ней мизансцену.

Влад. И его драгоценная женушка.

Стоят прямо посреди холла. Он похож на побитую собаку, а она всё такая же высокомерная стерва.

«Два идиота...» — с мстительным удовольствием пронеслось в голове Снежаны.

Выбросить её из своей жизни вот так просто, сунув пачку денег и треснув по лицу, они не смогут. Не на ту напали!

По её губам поползла широкая, ядовитая ухмылка. Снежана изящным движением указательного пальца снова водрузила темные очки на переносицу, скрывая не столько след от удара, сколько хищный блеск в глазах, и со стуком бросила ремень сумки на кафель, предвкушая свой триумфальный выход.

20. Сделка

Кабина служебного лифта с гудением ползёт вниз, и я искренне благодарна судьбе за то, что я спускаюсь одна.

Бросив взгляд в зеркало, похлопываю себя по щекам, чтобы хоть немного скрыть бледность. Адреналин всё ещё искрит на кончиках пальцев, и я прячу дрожащие руки в карманы халата. Не хочу перед посторонним человеком выглядеть растерянной брошенкой.

Так и скажу адвокату, что не собираюсь благородно брать Алису под мышку и уходить в закат только потому, что Влад решил активно размножаться на стороне. Пусть бывший муж сначала обеспечит «старого» ребёнка, а потом уже делает, что хочет с «новыми» детьми и женщинами.

Створки лифта с тихим шипением разъезжаются, впуская меня в залитый холодным светом холл первого этажа.

Уверенно шагаю к диванам в зоне ожидания. Я мысленно готова искромсать скальпелем пока неведомого мне адвоката на рагу, если он только заикнется о том, что место проживания дочери вызывает споры. Влад, если захочет, может быть упрямым. И, если он решил в наших отношениях придерживаться принципов жесткого и решительного дельца, то мне придется нелегко.

...И замираю, словно с размаху налетаю на невидимую стену.

У автомата с кофе стоит мужчина. Но это не юрист в костюме-тройке.

Это Влад.

И выглядит он так, словно его только что пропустили через центрифугу.

Потрепанный, осунувшийся и какой-то... отчаянно потерянный.

От неожиданности моя железобетонная маска невозмутимости трескается, грозя осыпаться прямо на больничный кафель.

Чтобы скрыть секундную заминку, делаю вид, что просто поправляю съехавший пластиковый бейджик на груди, и продолжаю всё так же уверенно чеканить шаг в его сторону.

Влад смотрит на меня не мигая. И по мере приближения к нему всё нарастает удушливый внутри дискомфорт. В его глазах решимость человека, который долго стоял на краю пропасти и, наконец, принял решение сделать шаг вперед.

Что ему здесь нужно? Точно ли меня он ждет и с какими новостями? Может быть, встречает свою драгоценную роженицу?

– Привет, не ожидала... – стискиваю кулачки в кармане халата так, что ногти впиваются в ладонь.

Возможно, я бы и съязвила по поводу того, что он приперся без шариков, но слова почему-то не идут. Застревают в горле.

– Оль... Я к тебе приехал, – голос хрипит, словно он сорвал связки. – К тебе.

Слова повисают в воздухе. Я молчу.

Влад судорожно сглатывает и качает головой.

– Я был полным кретином, Оля, – глухо произносит он, и в этом тихом признании столько изломанной боли, что у меня перехватывает дыхание. – Я... Я всё неправильно делал и говорил. Прости меня.

Я жду его привычного, жесткого, командного тона. Жду новой порции оправданий или попыток купить моё прощение. Но не этого... Смотрю на пульсирующую жилку на его виске, и не знаю, что сказать.

– Если хочешь, я сделаю всё, чтобы ты забыла... – Он нервно дергает ворот рубашки, словно ему не хватает воздуха, и продолжает, глядя мне прямо в глаза: – Но я знаю, что ты не простишь. Поэтому я дам тебе развод. Без судов, без грязи и...

– Дочь будет жить со мной, – рублю, всё еще готовая к атаке.

– Да, – безропотно соглашается он. – Конечно. Я не могу замарать вас обеих в этом дерьме.

Я не верю своим ушам.

– Я знаю, что испачкал тебя. Испачкал нас всех, – он опускает голову. – Если тебе так будет легче – я просто исчезну из твоей жизни.

Впервые за эти безумные дни железные тиски, сдавливавшие мою грудную клетку, разжимаются. Я вдруг чувствую, что могу сделать нормальный вдох.

Все эти три дня я жила, закованная в кольчугу, готовая ежесекундно отражать подлости, которые сыпались на меня градом. А сейчас мой противник не давит, не прёт тараном, не пытается усилить осаду. Он сам, добровольно, складывает оружие у моих ног. И, судя по его измученному виду, эта война сломала его больше, чем меня.

Глубоко внутри, под жесткими слоями обиды и ярости, на какую-то жалкую микросекунду вспыхивает робкая мысль: *«Он же раскаивается... Искренне раскаивается. Может, это действительно была просто пьяная, фатальная, но единственная ошибка? Может, мы всё-таки не чужие?»*

Я чуть приоткрываю губы, чувствуя, как слабеет моя глухая оборона. Я не знаю, что хочу сказать. Возможно, просто короткое «хорошо».

И в эту самую секунду тишину холла разрезает мерзкий, скрежещущий звук.

Кто-то тащит по кафелю тяжелую нейлоновую сумку, вынуждая меня повернуть голову.

Это Снежана. Видимо, только что спустившаяся на пассажирском лифте. В своем бежевом велюровом костюме и темных очках на пол-лица.

До боли прикусываю щеку изнутри, чтобы вернуться в реальность. Какую-то долю секунды назад мне казалось, что передо мной стоит прежний Влад. Великодушный, сильный, добрый. Тот Влад никогда бы не сделал мне больно, он был очарован мной и никого, кроме меня, для него не существовало.

Но соучастница его измены стоит здесь в велюровом костюме! И её появление напоминает мне, что молодость осталось в прошлом. Влад из моей юности давно отрастил трехметровые зубки, и броневой панцирь. А ещё он научился выворачивать любую ситуацию себе на пользу, поэтому он и на коне.

Нефть-биткойн-золото падают в цене, и Влад зарабатывает. Нефть-биткойн-золото поднимаются в цене – Влад тоже зарабатывает.

Снежана, увидев нас, замирает, и слегка приспускает очки с носа. Ухмыляется и бросает ремень сумки, который с цоканьем падает на пол.

– Влад, милый! – её голос звенит театральной радостью. – Ох, как же я рада тебя видеть! Ты всё-таки сам приехал меня забрать?

Она распаивает руки и, почти забыв, что должна переваливаться с ноги на ногу после операции, делает шаг, готовясь заключить моего мужа в объятия. Прямо на моих глазах!

Влад вздрагивает, словно его стегнули хлыстом.

– Ничего не перепутала? – цедит злобно.

– В смысле? – Снежана хлопает наклеенными ресницами, строя из себя невинность. – У меня же выписка. Спасибо, что приехал, милый...

– Какой я тебе «милый»?! – ревет Влад, делая к ней угрожающий выпад. Лицо его багровеет от ярости. – Я видел тебя два раза в жизни! Ты просто пьяная, блядская ошибка! Я всё тебе оплатил, исчезни!

Снежана холодно усмехается.

– Иногда и пары раз достаточно, Владюша, чтобы появился симпатичный пупсик. А у нас с тобой всё ку-у-уда серьезнее, правда? Забыл, как я спала у тебя на груди?

– Я тебя... – кулаки Влада сжимаются с такой силой, что хрустят суставы. Он делает еще один резкий шаг к ней.

Снежана мгновенно охает, картинно сгибаясь пополам и хватаясь руками за низ живота.

– Ай! Шов... Влад, мне больно!

В этот момент во мне снова просыпается врач.

– Отойди от неё, – ледяным голосом приказываю я мужу, перекрывая ему дорогу. – Снежана Геннадьевна, прекратите этот дешевый цирк. Все вопросы по вашему ребенку обсудим позже. А сейчас – берите сумку и на выход.

– Оля! – Влад в отчаянии хватается за локоть, но я тут же вырываю руку. – Оля, клянусь тебе всем святым, я не люблю её! Ни секунды не любил! Она для меня – пустое место!

Снежана медленно выпрямляется, забыв, как только что корчилась от боли.

Она переводит взгляд с Влада на меня. И улыбается.

– Конечно, не любишь, Влад. Я в курсе, – чеканит она так громко, чтобы эхо разлетелось по всему этажу. – Иначе ты бы не попросил меня, когда срок был пять недель, переспать с твоим главным конкурентом.

Воздух в холле превращается в стекло.

– Да-да, доктор Власова, – с наслаждением добивает она, глядя прямо мне в глаза. – Ваш муж предложил мне два варианта – идти на аборт или сделать ещё лучше – лечь под Савченко, и сказать ему, что это его залёт.

Я перестаю дышать. Я помню Савченко, когда-то они с мужем вместе работали. Потом поссорились и разошлись, стали конкурентами. Он тоже занимается инвестициями. Жирный, неопрятный мужик. Тоже женат...

– Да, он хотел испортить репутацию конкуренту, и спасти свою сделку с какими-то вонючими испанцами, с которыми возникли проблемы. За хорошие деньги, между прочим! Кто бы стал иметь дело с мужиком, который в процессе развода отстегнет половину капиталов жене...

Мир кренится. Я медленно, словно сквозь толщу воды, поворачиваю голову к мужу.

– Это... правда? – мой голос звучит так тихо, что кажется шелестом.

Влад молчит. Только плотно стискивает зубы, так, что гуляют мрачные желваки на щеках. И его молчание становится самым громким признанием в моей жизни.

Я отступаю на полшага назад, чувствуя, как внутри меня окончательно и безвозвратно выгорает всё дотла.

Да. Мой муж виртуозно научился выкручивать любую, даже самую грязную ситуацию себе на пользу. Распределять активы, сливать конкурентов, торговать нерожденными детьми ради своей выгоды. Он всегда привык выигрывать, наплевав на то, сколько жизней ломает по пути.

Но со мной у него этот номер больше не пройдет.

– Да пошёл ты, – шиплю сквозь зубы, – И резко разворачиваюсь на каблуках.

Я думала, что двенадцать лет делила постель с трусом и предателем. Но я катастрофически ошибалась. Я спала в одной постели с монстром.

21. Упакуем фифу

Влад догоняет меня в ту самую секунду, когда я, заставив себя вытащить дрожащую руку из кармана халата, судорожно жму на кнопку служебного лифта.

– Оля, стой... Я должен объяснить тебе всё.

– Да что же это такое?! – в отчаянии хлопаю ладонью по железной створке, и металл гулко, глухо отзывается. – Кто из пациентов там катается?! Вот я вам устрою!

Нарочито громко возмущаюсь в пустоту, делая вид, что меня волнует только застрявшая кабина.

Только бы не смотреть на него.

– Оля, да послушай же ты! – Влад перехватывает моё запястье и дергает к себе так резко, что я едва не теряю равновесие.

– Отпусти!

– Ты не понимаешь! – голос срывается в прерывистый, жалкий хрип. – Эт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.